

Воин

Дмитрий Янковский

Голос булата

«ЭКСМО»

Янковский Д. В.

Голос булата / Д. В. Янковский — «Эксмо», — (Воин)

Мог ли мечтать сельский паренек Микула о том, чтобы стать не просто дружинником князя Владимира Красно Солнышко, а одним из самых могучих его богатырей? И помог ему в этом доставшийся в наследство меч – Кладенец – не только оружие, но и мудрый наставник.

© Янковский Д. В.

© Эксмо

Содержание

Часть первая	5
1.	5
2.	10
3.	13
4.	17
5.	20
6.	21
7.	26
8.	29
9.	33
10.	41
11.	43
12.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Янковский

Голос булата

(Воин-1)

Часть первая

1.

Ветер холодный, колючий, выдувал из души последнее тепло, царапал поднятым с дороги снегом темнеющую синеву над лесом. Звезды блестящими льдинками прокалывали небеса, смотрели безмолвно, уныло на одинокого путника, хрустящего драными лаптями по крепко схваченному насту.

Микулка замерзал. Спать хотелось до одури, хоть палки в глаза вставляй, сил идти почти не осталось, да и желания особого не было. И смысла. Забрел в Богами забытую глушь, все искал, выводывал... И чего? Сам сказать не может! Счастья... Где ж оно счастье-то? Волкам теперь будет счастье. Хотя волчье счастье – в пузе сыть, а какая нынче с него сыть? Кости одни.

Лес кругом кривоватый, редкий, торчит старыми корнями да сухостоем. Когда луна взойдет, будет видать шагов на полста не меньше, а пока камень кинь, не увидишь где в снег влипнет. Густая тьма металась вспомнившимся страхом, клацала звериными клыками, завывала жутким хохотом разбойника-ветра. Привязавшийся от заболоченного лимана упырь упорно шел следом, хотя сильно отстал прошлым днем, схоронясь в сыром овраге с первыми лучами солнца. Но теперь может легко догнать, если не почует кого поближе, потому как нежить устали не знает и холода не боится. Все чаще северный ветер приносил с собой голодный упыринный рев, кровь от него леденела в жилах и неодолимый страх вздымал непокрытые волосы на затылке. Микулка не любил, боялся ходить ночью, выдывал под Киевом, что твари ночные с запоздалыми путниками делают... Но если до заката не нашел крова, надо идти дальше, иначе лютый холодный ветер вытянет жизнь быстрее, чем стосковавшийся по горячей крови упырь. Завывал, плакал северный ветер, даже если вплотную кто подойдет, не услышишь.

Микулка ухватил покрепче суковатый посох и ускорил шаг. И зачем? Лег бы в снежок, калачиком свернулся и спать. Мамку бы во сне увидел, Ветерка, Дружку... Никого не осталось. Один теперь на целом свете. Спать... А пока упырь добредет, я ему уже не нужен буду, он ведь только живое берет.

Но что-то толкало в спину, то ли ветер, то ли неутолимая жажда жить. Так и шел он по чуждому лесу Таврики, сонно трамбуя снег уставшими ногами. Может и нашел бы безвестную гибель, да филин гукнул прямо в ухо, Микулка чуть из портков не выпрыгнул.

– Чтоб тебя... Окаянный! – от души ругнулся Микулка.

Он взглядом проводил пернатого хозяина ночи, и глазам своим не поверил, разглядев на лесистом холме мерцающий огонек близкого жилья. Тут уж ноги сами понесли аки крылья! Воображение рисовало теплую постель, еду на столе... Микулка споткнулся об леденелый камень, ухнулся всем телом в снег, еще и подбородком к посоху приложился.

– Лешак тебя понеси! – отплеываясь от снега буркнул Микулка.

– И чего ты лаешься, как басурман? – спросил из темноты насмешливый старческий голос.

Микулка сел и обалдело огляделся. Вроде нет никого... Тьфу ты, напасть!

– Эй... Ты кто? И не прячься! Или боишься меня?

– Кхе... Кхе... – непонятно откуда прозвучал то ли смех, то ли кашель. – Как такого не испугаться! Витязь... С булавой, в доспехах. Токмо дыру на заднице не заштопал. Видать, чтоб со страху портки не замарать.

– Делать мне нечего, бояться тут всякого! – огрызнулся Микулка. – Я в пути столько повидал, что и лешака увижу – не испугаюсь.

– А может я и есть лешак?

– Да ну?

– Поверил? Дурья твоя башка! Вставай, в избу пойдем. Сколько можно задом снег растапливать?

Микулка поднялся, опираясь на посох и еле разглядел в лохматой сосновой тени что-то живое, низкорослое и подвижное.

"Точно лешак. Да и пес с ним! Лишь бы накормил да пригрел" – подумал Микулка, поднимаясь на пригорок к избушке вслед за хозяином.

Изба была большой, чистой внутри, а главное теплой. Настолько теплой, что хотелось купаться в этом тепле, пить его и раствориться в нем без остатку. Пахло смолистыми сосновыми бревнами, печным угаром и недавней едой. Вот только руки болели отогреваясь, да пальцы ног. У Микулки даже слезы на глазах выступили.

Хозяин выглядел жутковато. Маленький высохший старичок, нос крючком, лицо словно темная кожа дубленая, пальцы как корявые сучки. Таким себе Микулка лешака и представлял, вот только лешак шерстью поросший, мхом да грибами, а этот лысый почти. И глаза живые, насмешливые.

– Раздевайся! – буркнул хозяин, подкинув пару поленьев в пылающий зев печи, – Небось мокрый весь!

– Ну уж нет! Не буду я тут срамом своим сверкать! – Микулка дышал на онемевшие пальцы, чтоб хоть немного унять боль.

– Скидавай портки, кому говорю! Не то выгоню на мороз! Лучше там загинешь, чем тут медленно с застуды кровавой мочой изойдешь.

Микулка неохотно скинул драный тулуп, рубаху, портки... Старик подошел к неопрятной куче тряпья, поддел ее кочергой и закинул в жаркое пламя. Мокрая ткань зашипела зло и противно, отбрасывая потный смрад через трубу в ночное небо.

Хозяин порывлся в сундуке, крихтя и ругаясь вытянул на свет божий портки и рубаху, разложил на лавке возле печи.

– Одевайся в сухое. – уже мягче сказал он. – Ты чай не девка, чтоб я на твою наготу засматривался. По всему видать, ты и от еды не откажешься?

Микулка торопливо натянул рубаху, запрыгал на одной ноге, одевая портки.

– А что, хорошая еда? – хитро прищурился он.

– Кхе... Он еще харчами перебирает! Ночевать тебе на морозе...

– Да ладно Вам шутки шутить! А кушать и впрямь охота... Три дня не жра... без еды тоесть. Живот к спине прилипает, а кишки меж собой как Чернобог с Белобогом.

– Ты говори, да не заговаривайся! – серьезно одернул парня старик. – Еще молоко на губах не обсохло, а о древних Богах молвишь как о девках гульных. У тебя меж глазами и языком нет равновесия. Глаза видели мало, а язык молотит как помело. Не в ту сторону перекус! Поживи на свете, изменишься. Глаза повидают, язык приостановят. Кто много говорит, тот мало делает. А кто собрался делать, тому и говорить ни к чему.

Микулка примолк, оправдываться не стал. Знал, что и впрямь виноват, но прощения просить не стал, чего перед каждым встречным стариком кланяться...

– А ты из каких краев будешь? – сменил тему хозяин. – И как звать тебя?

– Микулкой кличут. Я с севера. Издалека. Мамку печенег в плен угнали, сами знаете, для бабы это похуже смерти. А я не сберег ее. Слаб оказался. Как саблей плашмя меж ушей получил, так до заката и не поднимался. Дружку, собаку нашу, какой-то нелюдь конем затоптал. Так у меня на руках и померла. А перед смертью все руки мне лизала... Утром схоронил ее и ушел из деревни.

– Что ж так? Неужто в деревне никого не осталось?

– Остались... Да только мне там места нет.

– Странно. Это что же ты за человек такой, ежели тебе среди людей места нету?

– А Вы дедушка? Тоже ведь не в Киеве живете.

– Мал ты еще меня с собой сравнивать. Почему не остался среди своих?

– Ну... История больно длинная.

– Да я вроде не тороплюсь.

– Да как не торопиться, если каша в горшке остывает! – в притворном возмущении воскликнул Микулка.

– Эх, старый я дурень. Сам сыт, а про тебя и забыл, что ты три дня не евши.

Старик побряхтывая достал с печи горшок с ароматной кашей, поставил на стол, развернул белоснежную холстину с краюхой хлеба. Микулка устроился на крепкой сосновой лавке, пожирая глазами угощение. Каши в горшке было ОЧЕНЬ много. Вот только...

– Так у тебя и ложки своей нет? – словно прочел Микулкины мысли хозяин. – Экий ты недотепа! На вот, возьми мою. Только я с тобой одну ложку лизать не намерен. Завтра по утру вырежешь мне новую, баклуши липовые у меня есть.

Микулка отвечать не стал, и так все ясно, схватил ложку и принялся за кашу. Глотал жадно, аж бугры по спине гуляли, хрустел румяной корочкой. Да и каша была чудесная, видать в стряпне старик толк знал, сдобрил еду неведомой травкой. И тут Микулка почувствовал сильную дурноту, ком застрял в горле, а кровь отлила от головы и обожгла пузо.

– Эх... Дурень я дурень! – сокрушенно воскликнул старик.

Но Микулка его уже не слышал, он медленно валился на лавку, утягивая за собой холстину с хлебом.

* * *

Влажная тряпица приятно студила лоб, истекая быстро теплеющими струйками ключевой воды. Микулка с трудом разомкнул веки и внутренне дернулся, встретившись с горящими в полутьме совиными глазами.

– Сгинь, нечисть! – сухими губами прошептал он, но сил подняться никак не хватало.

– Экий ты мастак ругаться! – раздался знакомый, насмешливый, с мягкой хрипотцой голос. – Одной ногой в сырой земле, а лаешься как басурман заморский.

Старик снял с Микулкиного лба потеплевшую тряпицу, помотал ею над лицом и вновь уложил на лоб, уже остуженную.

– Что со мной? – еле слышно шепнул мальчик. – Неужто отраву съел...

– Я те дам, отраву! Ишь в каком лихе меня обвинил! Кхе... И поделом мне, дурню старому, коль позволил тебе кашей пузо набивать после голодовки трехдневной. Тебя бы хлебушком с водицей разговеть... А так кишки и не сдюжили. Ничего, не помрешь! – успокоил старик.

– А филин Ваш?

– Филин птица вольная, он сам по себе. Просто со мной ему сподручнее, а мне с ним. Вот и живем вместе, по доброму согласию. Я его не тревожу, он мне не вредит. Кабы все так жили...

Старик отошел к печи, погромел горшками, поднес Микулке прямо ко рту лубяной ковш с парным отваром.

– Пей.

– А это что?

– Обжегся на молоке, теперь и на воду дуешь. – улыбнулся старик. – Пей, говорю! С горной травы отвар. В ваших краях такой и не сыщешь, а тут растет. Большущей живительной силы эта трава! Олени раненные ее поедом гложут, даже волк ест, коль припечет. А уж нам, людям, ни к чему не привыкать!

Микулка хлебнул терпкого отвара, внутри разлилось приятное тепло. А когда луна за окном перевалилась за верхушку горы, спал жар, губы повлажнели и Микулка попробовал подняться с лавки.

– Ты сильно не храбрись. – посоветовал старик. – Слаб еще. Перелезь на печь, и отлежись до солнца. А вот если по нужде, так ступай, нечего новы портки поганить.

– Какая нужда на голодное брюхо? – искренне удивился Микулка, с трудом перелезая на печь.

Что за сладкое чувство, лежать вот так на боку, слушать как за окном студеный ветер плюется снежными хлопьями. Хорошо! Тепло и приятно. Только ветер подвывает в трубе, да филин щелкает клювом, выискивая что-то в перьях. Или кого-то.

– Так ты и не сказал, отчего тебе среди своих места нету. – нарушил тишину старик.

– А вежливый человек второй раз не спросит, коль сразу не ответили.

– Соплив ты еще больно, вежливости меня учить. Не я у тебя в гостях. Может ты вор какой, а то и вообще душегуб-головник.

– Какой из меня вор!

– Так отчего тогда с деревни ушел?

– А оттого, что байстрюк я! – неожиданно сорвался на слезу Микулка. – И незнамо чей сын.

– А мамка что говорит? Она-то батьку твоего должна бы знать. Ну хоть видеть. Если не во хмелю была. Да ты на хмельного дитятю не больно похож. Разве что худоват.

– А она все одно твердит... – махнул рукой паренек. – Герой, говорит, твой батька. Герой, каких свет не видывал. От муж ее за это бивал... Ну бивал... Пока сам дубу не врезал, спьяну в колодезь ухнулся. Рыбам на смех.

И остались мы вчетвером. Я ведь младший сын, у мамки от мужа еще двое. Старшие братья меня стали при всех геройским сынком кликать, так и вся деревня переняла.

– А кто ж твою мамку за язык-то тянул? Мало ли чего в жизни станется... Любовь такая штука. А тут еще и герой, коль не врет. Ну и скрыла бы от людей, что дите не от мужа.

– Да как тут скрыть! Волосы у меня вон какие! – шмыгнул носом Микулка.

– Волосы как волосы. Разве что грязные.

– Рыжие! – пояснил паренек. – А у нас в роду у всех русые. И у мамки, и у мужа ее, и у деда.

– Кхе... Вот уж незадача. – невольно улыбнулся старик. – Так значит мамка тебе про отца ничего не рассказывала?

– Наоборот, все уши прожужжала. Говорит, что был он то ли князем, то ли витязем великим. Но то что герой, так это точно.

– Так уж и князем? Ну хватил! Небось, когда с ним встречалась, ей не до происхождения было.

– Вот так и братья, и в деревне все смеются. Не верит никто. А по чести сказать, я и сам не верю. Где же видано, чтобы княжий сын в угарной землянке полбу глотал?

– Мало ты видывал. Отец небось о тебе ничего и не знает. Если и правда, что князь, так он помер давно. Да и зачем ему байстрюк, если и жив?

– Ваша правда. Вот потому и ушел я. Мало что ли насмешек наслушался? А еще, как назло, силы в моих руках поменьше, чем у парней в деревне. То и смеются... Пойдем, говорят,

на реку кулаками биться. А какой из меня боец? Нос в миг расшибут, уши в лопухи расквасят, а ребра потом месяц болят. Ну, хлопцы и гогочут потом.

– А почему братья за мать не вступились, когда печенеги наехали?

– Так она нам кричала, что бы мы в лес схоронились. Братья умные, они и послушались. В лесу печенеги не воины, им Степь нужна. А меня видать не зря дураком прозвали. Кинулся на всадников, как шавка на вола. Вот то саблей и схлопотал. Хорошо плашмя.

– Точно дурак. – одобрительно кивнул старик. – Если бы все на Руси такими дураками были, так печенеги летели бы в свою Степь, свистели, да кувыркалися. Ан нет, все умные. По лесам хоронятся. Это печенеги в лесу не воины. А придут лесные стрелки с туманных островов? Куда хорониться от них? В Степь? Мягкая у русичей шея! Голова сама кланяется, чуть ли не от ветра. Закалить бы эту шею, как булат закаливают! Да где же такого кузнеца сыскать?

– А мне почем знать? – пожал плечами Микулка. – С меня воин, как с кобылы олень.

– Вот дуралей... – усмехнулся старик. – Спи, давай. А то от умных мыслей голова распухнет.

– А как Вас звать? – запоздало опомнился паренек.

– Заряном. Так и есть – дед Зарян. И спи. Тебе сил набраться надо.

– А Вы?

– Много будешь знать, скоро состаришься. – буркнул дед, задувая масляный светильник.

Микулка поворочался немного и сладко уснул, утомленное тело с трудом отдавало усталость. Было тихо, только во тьме шелкал клювом неугомонный филин, да ветер завывал над крышей.

2.

Проснулся Микулка рано, едва солнце позолотило верхушки деревьев. Деревенская жизнь приучила к раннему просыпу, работы много, тут уж каждый лучик божьего света надо использовать с пользой.

Слабости в теле как не бывало, видать подействовал дедов отвар. Микулка оглядел избу, медленно наполняющуюся светом, но филина в ней не было, а вот дед Зарян спал уронив голову на сосновый стол. Вспомнив дедов наказ сотворить к завтраку ложку, Микулка с неохотой соскользнул с теплой печи и ежась спросонья, пошлепал босыми ногами в сени.

В сенях, усыпанных высохшими листьями дубняка, валялось несколько пар выдавших виды валенок, в углу сиротливыми щенками сбились в кучу лапти. В другом углу притаились вонявший псиной тулуп и короткий полушубок с опушкой, в самый раз для не злой южной зимы. Зимы в Таврике и впрямь не холодные, снега по несколько лет кряду не увидишь, а вот весна злая. Только проклюнутся молодые листки на деревьях, только появится первый цвет миндаля, как заметет, завоет вьюга, от мороза в горах водопады на лету замерзают. А ветер... Одно хорошо, что не на долго. Весна в свои права быстро вступает. Коль замело, через полтора десятка дней жди жары. Примета верная.

Микулка влез в тулуп, заскочил босыми ногами в валенки и скрипнув дверью выскочил на искрящийся утренний снег. Ну и красотища кругом! За спиной скалистые горы небо собой подпирают, кругом низкорослый лес из сосны и дубняка. А впереди бескрайнее Русское море. К морю Микулка и шел. Хотел найти ромеев таврических, уйти с ними за два моря. Что он от своей земли хорошего видел? Маяту да обиды, труд непосильный за чашку полбы. А за морем, говорят, солнце и тепло круглый год, птицы живут диковинные, никто не работает, кроме черных невольников. Кругом виноград растет, а вина хоть залейся... И девки там уступчивые да жаркие. Говорят, заморское солнце так на них действует. Что еще надо? А надоест все, так иди в корабельщики. В дальние страны торговать, а коль силы есть, так и воевать. Чем не жизнь?

А что русским быть? Стыдоба одна! Родился бы ромеем, кто бы стал байстрюком кликать? Микулка вздохнул и захрустел по насту к ближайшим кустам, справить малую нужду.

Вернувшись в сени он сыскал короб с инструментом, достал неказистый плотницкий нож, тут же подобрал пару баклуш, если одну испортит, и вышел из избы строгать ложку. Мороз отступал, погоняемый золотистыми кнутами Ярила, с крыши капала талая вода, пробивая в насте неопрятные дырки, через которые видна была молодая трава. Странное место Таврика! Где это видано, чтоб снег на зеленую траву падал?

Слева, в едва размытой дали между деревьями, серебрилось залитое светом море. Микулка столько воды отродясь не видывал, слышал только рассказы старших, но и те сами не видывали, довольствовались байками купцов и воинов. Да и рассказы то были о морях студеных, северных... А это теплое, своим светом глаз радует, наполнено движением и не броской, но напористой силой.

Море дышало спокойно, не шипело издали пенным прибоем, но голос свой подавало, сплетая его с голосом леса. Это пели свои утренние песни морянки, нежась на скалах в не злых, пока, лучах солнца. Микулка все силился их разглядеть, небось разнятся с днепровскими берегинями, но хоть и острый у него глаз, не углядел, мешала лохматая стена леса. Зато в прозрачной зыбкой дали, рассекали упругие волны два морских змея, играли, высовывали из воды длинные шеи. Зрелище было завораживающее, Микулка даже на цыпочки стал, чтоб разглядеть получше переливающуюся на солнце радужную шкуру гигантов. Змеи сплелись в необузданном, диком танце и скрылись в темных глубинах. Паренек почесал затылок и уселся за работу.

Первая ложка вышла на удивление ладной. Гладкий липовый черпачок, гнутая плоская ручка. Микулка не удержался и вырезал посреди ручки Родово колесо о шести спицах. Хорошо. Деду понравится. Ложка готова, а руки еще работы просят, никак не привыкли без дела быть. Паренек взял вторую баклушу, повертел в руках, примеряясь, и сделал первый надрез.

Покончив с работой, Микулка вернулся в избу и чуть не подавился слюной от веявшего из печи съестного духа. Дед Зарян всю хозяйничал у стола, ломая хлеб, расставляя чашки. Судя по запаху, в доме водилась не только каша, но и мясо, булькавшее в одном из горшков с ароматной юшкой.

– Ну что, путешественник, – улыбнулся дед Зарян, – небось очухался уже? Гляжу из окна, а он ложки строгают... Чай десяток настрогал, никак не меньше!

– Пару.

– Кхе... Пару. А я уж думал, поедем на рынок к ромеям торговать. – в глазах старика так и прыгали веселые искры.

– А далеко ромеи? – наострил уши Микулка.

– Недалече. Верстах в двадцати на закат Херсонес, там те самые ромеи и есть.

– А Вы их видали?

– Приходилось... А тебе что за интерес?

– Так я к ромеям и шел! Чего бы меня лешак через всю Русь погнал без цели?

– А... Так ты, значить, с целью... Понятно. Небось за море собрался? Оно и понятно, с грязной-то Руси.

– Ну да. Новую жизнь начну, я молодой, мне не поздно!

– Оно, конечно, верно. Одно жаль. Знал бы я о твоей великой цели, так не палил бы твое тряпье.

Микулкино сердце на миг замерло от нехорошего предчувствия.

– Так Вы же мне портки сами дали! – обижено надул губы паренек.

– Я отдал, я и заберу. Вон, Ярило как разыгрался, если бегом, так двадцать верст пролетят, не заметишь. Еще и упаришься. А там тебя ромеи оденут в белые покрова, они их туниками кличут. Они ведь тебя ждут не дождутся. Все смотрят на восход и думают, где же наш Микулка? Не замерз ли, сыт ли? Только о тебе и думают. Да ты им не нужнее, чем змеям обувка! У них своих ртов хватает.

– Врете Вы все, дед Зарян. – обиделся Микулка. – Ежели б я сам не слыхивал людей из-за моря, я бы по молодости поверил. Да только я не такой дурак. Вон Родомир собрал себе дружину и пешим ходом ушел на закат. Долго ли, коротко ль, а пришли они в земли немецкие, кто жив остался, конечно. Родомир слал гонцов в Киев, так они через нас шли, рассказывали про всех. Кто купцом стал, кто шлосарем, замочных мастерских хозяином, а сам Родомир главным дружинником при ихнем князе. Чем не жизнь! Это ведь не поле пахать, и не рыбу в Днепре ловить. Знай себе командуй, да деньгами карман набивай.

– А большая у Родомира была дружина?

– Сотню копий собрал, чай не маленькая.

– Не княжя, но с такой и не срамно за море сходить, правда. Один значит купцом стал, другой шлосарем, Родомир-предводитель, ясное дело устроился. А остальные?

– Ну... Откель мне знать. Часть наверное в лесах загнула. А остальные делают, что хотят.

– Кхе... Кхе... Ну да! Хочешь, я тебе скажу, чем остальные заняты? Кто камень ломит для замков, а кто в войске в первых рядах против железных рыцарей бьется. И уж не по доброй воле!

Микулка побледнел.

– Да что Вы меня страшаете! Всяк сам себе хозяин. Не может там быть хуже, чем у нас. Хуже просто некуда. Кривичи бьются с радимичами, те с вятичами, поляки жмут кривичей, печенегі всем житья не дают, с голодухи целые деревни мрут. Вам ли не знать!

– Ведаю... И больно мне. За Русь больно, за русичей. Да вот только скажу я тебе вот что, а там сам думай, как поступить. Чужак, он и за морем чужак. Где ты видал, что бы чужаки в чести были?

– Так то у нас...

– А ведь русичи добрее. Грубые, пьют крепко, бивают не только чужих, но и своим достается. Да. Но в трудный день всегда руку подадут соседу, детям малым лучший кусок. Коль беда, так они ВСЕМ МИРОМ борются. А немчура по щелям, каждый за себя.

Их клич – мой дом, моя крепость. Так и живут. А у нас? Да, в междоусобицах погрязли по уши, и неустроенность, и грязь... Но если общий враг объявляется, то плечом к плечу стоим! Ни о животе своем, ни о золоте-серебре, ни о славе громкой никто не думает. Очертя мечом голову, бросаются русичи в бой с любой бедой. И не так, как немчура, где каждый у своего порога бьется, а всем миром, одной дружиной.

И будешь ты там всю жизнь чужаком, еще и дети твои будут чужаковыми. И будешь искать свое место, пытаться выдергивать у них. А ведь своя земля помогает! Эх... Молодые, зеленые. Вам ведь жить! Вы все ищете место получше, а надо свое место, свою землю обустроить, чтобы имя русичей гремело, чтобы НАМ немчура завидовала.

Где же еще такие богатства, как у нас? Погляди кругом! Рыбы в реках аки звезд в небесах, звери по лесу бродят, только на лапы друг дружке не наступают. Леса столько, что избы можно в сто поверхов гнать. Нам бы гордости прибавить, да и только. Что б ценили свою землю, свои имена, старикову мудрость чтоб уважали, да юношескую горячность не гасили.

Эх, был бы я киевским князем, собрал бы я на пир лучших купцов, лучших воинов, лучших музыкантов, да кощунников. Сказал бы перед ними речь горячую, чтобы донести до каждого сердца мысль свою. Чтобы славили они Русь великую каждый по своему, кто товаром отменным, кто храбрым сердцем, кто песней душевной, а кто красным словом.

Только князем мне не быть. Стар я уже. Детей не нажил, живу один. Думал, грешным делом, что Сварг послал мне тебя, чтобы смог я передать то, чему за долгие годы выучился, к чему трудными думами пришел. А ты за море. Так и помру один. Печенегі ко мне не раз приходили, научи, говорят, наших детей своим наукам. Сколько добра предлагали! Да только русич я... Русичу и передам, коль Сварг позволит. А нет, так и помру.

Что-то кольнуло у Микулки в груди. Стало жалко деда старого, ведь паренька застуженного и голодного спас дед Зарян от верной смерти. Так по божески ли сразу бросить? К ромеям завсегда успеть можно, молодость она длинная. А пока поживу тут, деда утешу. Одно лето проживу. Может дед к тому времени и помрет. А нет, так тогда и посмотрим.

– Простите, дед Зарян! – потупил глаза Микулка. – Я же говорил, что меня дураком обзывали. Дурак я и есть. Видно Чернобог мне душу крылом черным застлал. Я останусь. Чему хотите буду учиться. Хоть травами ведать, хоть по птицам гадать. Я же не басурман неблагодарный! Я... Я русич.

Глаза старика посветлели, мелькнул в них огонек надежды, может выйдет из парня толк.

– Ну садись, поешь, раз остался. – с нарочитой грубостью буркнул Зарян. – Только смотри не спеши. И много не ешь. Пару ложек каши, да с мяса отвар. Там грибы тертые, навар густой, сытный. Наешься.

3.

Минуло полных три недели и весна-красна отогнала зиму далеко на север, в родные Микулкины края. Стаивший снег пропитал землю-матушку и она растопорщилась душистым густым разнотравьем да цветами. Микулка совсем окреп, обрастил кости мясом, спать стал крепко, сладко, без тревог.

Раз по утру, только свет заиграл на сосновом столе, дед Зарян раздул печь, поставил горшок с оленей похлебкой на жар и бесцеремонно стянул с паренька одеяло.

Микулка забрыкался на печи, как жеребенок игривый, потянул на себя одеяло, да спросоня не сдюжил с Заряном, так и шлепнулся на пол словно дохлая рыба.

– Что ж Вы творите-то? – поднимаясь и кутаясь в одеяло буркнул Микулка. – Где это видано, что б с дитятей так обращались...

– Кхе... Сыскал дитятю. Да на тебе уже пахать в пору! Вон как отъелся. Хватит лень славить, одевайся, не то первую росу пропустим!

– А что нам до первой росы? – потирая глаза спросил паренек.

– Экий ты недотепа! Я ж тебе всю неделю о травах сказывал, когда какую собирать, чтоб в ней сила была. Если целебные травы рвать когда попадая, так они сгодятся только пол подметать.

– Да я помню. На первой росе в сбор идет зверобой-трава.

– А чего ж придуливаешься, коль знаешь?

– Просто спросоня буркнул. Спать охота, дед Зарян! Еле очи разлепил.

– Меньше по ночам надо клумиться, тогда и поутру вставать легче. Раньше, помню, ты сам с первой зорькой с печи вскакивал. А теперь?

– Так Вы сами виноваты, дед Зарян! Дали мне свои грамоты, научили резы разбирать... Как теперь оторваться? Никаких сил нет! Сказка за сказкой сказывается, все про русских витязей. Интересно же! А ведь это все Вы написали, я Вашу манеру сказ сказывать распознаю из сотни.

– Пряма уж из сотни... – польщено буркнул хозяин. – Я написал, так что с того?

– Небось вранье все, да только красивое вранье, прямо в душу западает.

– Оно и видно, масла на свет тебе не напасешь. Придется к ромеям идти на базар. А написанное не вранье. Где присказка, где украс, но это все как ветки на дереве. А ствол ровный, правдивый. Есть на Руси витязи, много их, земля русская завсегда витязями славилась. Да только сейчас всяк за своим окном. Кто пашет, кто кует, кто кожи мнет. Не чувствуют беды, хоть басурмане нашу землю конями топчут. Порой вылезет кто из своей избы, то ли Змея заломать, то ли хазарскому кагану нос размочить. И опять на печь. Кабы не русская лень, так все по иному было бы. Русичи долго запрягают, но едут так, что только камни из под копыт летят. Уже не остановить. Нашелся бы такой конюх, который запряг бы всех разом. Не могу и представить, до каких пределов тогда Русь бы раздвинулась!

– А что, дед Зарян, неужто и эта история про троих лесных лоботрясов и неучей правда? Уж больно дивный про них сказ. Я пока прочитал, русским духом насквозь пропитался.

– Это самая правдивая правда и есть. – усмехнулся старик. – Кое-кто из них до сих пор по Руси бродит. Только не знамо где. Ладно, хватит болтовней заниматься, не то роса сойдет. Одевайся и марш из избы! Отзавтракаем после сбора.

В лесу было жарко, от земли поднимался ароматный дух, а воздух гудел пчелами да шмелями мохнатыми. Солнце просачивалось сквозь сито густых ветвей, бросая на травяной ковер дрожащие тени. Лес в Таврике низкорослый, кривой, но густой – не зная тропы не продерешься.

Дед Зарян шел впереди, ступал словно кошка мягкими лаптями, поднимал посохом раскидистые листья у тропы, раздвигал сочные травы. Микулка плелся сзади, стараясь не упустить те мелочи, которым такое значение придавал старик. Тут роса стекла – не пойдет зверобой-трава, слаба будет. Эти листья мокрые, в тени – тоже не годятся, сила сильная в яд пойдет. А вот лист сочный, пару росинок на себе держит. Этот сгодится.

– Вон, дед Зарян, за корягой зверобой-трава! Не суха, не мокра, в самую пору!

– Твоя правда! – одобрительно кивнул старик. – Видно в прок тебе наука моя. А у меня глаз слаб становится, не углядел сразу.

– Да что Вы, дедушка! – ответил довольный похвалой Микулка. – У Вас глаз зорче моего. Вы в Руси такое заметили, чего я не углядел. Сами заметили и другим оставили, в сказ переложили. Я бы Ваши грамоты дал писарям переписывать, да купцам на базар отнести. Пусть люд читает, кто грамотный. А кто не грамотный, послушает и может захочет резы ведать. Наверняка захочет.

– Вот и отдашь, когда я помру. Все тебе завещаю, Микулка. И избу в горах, и грамоты свои. Все что есть. Больше оставить некому.

– А вон еще чабрец, дед Зарян! – показал палкой Микулка, чтобы свести тему с грустной колеи.

– Кхе... Экий ты все же дурень! – рассмеялся старик. – Как дурнем был, так и остался. Разве что грамотным. Кто ж на первой росе чабрец собирает? Разве что коням на корм.

Тропа пошла в гору, скоро покажется белый Велик-Камень, а с него, Микулка уже знал, открывается чудный вид на все четыре стороны. Дыхание стало сбиваться, спина упрела, а дед Зарян как ни в чем не бывало, семенил короткими ножками впереди, да еще траву искать не забывал. Микулка почувствовал, чей-то взгляд в спину, споткнулся о вылезший из пыльной тропки корень, но на ногах удержался, только в голос помянул Чернобога.

– Что ты шумишь, птиц пугаешь? – недовольно буркнул Зарян. – Али ноги не держат? Ступай тише, лес он шуму не любит, а в чужой град со своим указом не ходят. Всякому месту свой указ. Вот у моря можешь шуметь, сколько душа пожелает, прибой с шумом только играет, он ему не вредит.

– Кто-то за нами идет! – испуганно произнес Микулка. – У меня волосы на затылке дыбом становятся от взгляда враждебного.

– Так ты шумишь словно буйвол, вот Лешак и забеспокоился. Он шуму не любит, не дает лесу вредить. Он душа леса, его ум, его глаза и уши, а порою и руки. Кто в лесу совсем без стыда и без меры буянит, того Лешак и убить может. Заведет в овраг, через бревно ногу сломает, а то и медведя натравит. Всяко бывает.

– Злой он...

– Не злой. Справедливый. Но на его взгляд справедливость другая, для него мерило справедливости – лес. А человек, коль по лесу идет, для него лишь часть леса. Вредная или полезная. Так что не шуми, беду на себя не кликай.

Микулка не обиделся, привык уже к старинову бурчанью, знал, что все что говорит Зарян, все в прок, все в науку. Попробовал идти тихо, подражая мягкой оступи старика, но понял, что это вовсе не просто – то лист прошлогодний под лаптем зашуршит, то ветка хрустнет.

– Дедушка! – позвал паренек. – А как Вы можете так тихонько ходить? Аки кошка...

– Это, если по чести, целая наука. А научил меня всему лес и мудрость русская. Эти учителя мне много наук дали, много еще и другим дадут, если кто захочет взять. Надо только чутко слушать, да зорко смотреть.

Если в лесу по лесному указу жить, в море по морскому, в степи по степному, тогда всякая стихия для тебя враждебной не будет. Всякая примет. Можно и огня не бояться, ежели огненный указ знать.

– А неужто у огня свой указ есть? – удивился Микулка.

– Конечно. У любой стихии, у каждого предмета свой указ. Вот огонь к примеру, он ведь разный бывает.

– Какой же разный, если всяк огонь жжется?!

– Молодой ты, сам как огонь горячий. Не внимательный. От дерева один огонь, от масла совсем другой, с неба третий. И у каждого свой покон. Но всякому нужна еда.

Вот ежели дерево горит, то огонь можно водой залить. А если масло горит? Вода масло поднимет, растечется оно и гореть будет пуще прежнего. С масла огонь нужно тряпицей мокрой сбивать или сырой землей. А с неба огонь бьет в то, что голову перед Перуном-воителем не склоняет. В самую высокую макушку и бьет.

– А по какому покону лес живет? Какой указ соблюдать надо, что бы ветки да листья под лапти не лезли?

– В лесу, Микулка, особый покон, очень простой вроде, да трудно ему обучиться. Лес, он ведь одно целое, хоть из разных вещей состоит. Вроде бы звери бродят, ручьи журчат, в ручьях рыба, а кругом ручья деревья склонились. Вроде все разное, а имя одно – лес. Надо научиться лес чувствовать ЦЕЛЫМ.

– Это как?

– Ну, вот к примеру дерево у Велик-Камня видишь?

– Стоит. Дерево как дерево, только ветер ветку одну сломал.

– Точно. Если на эту ветку смотреть, если отметить в какую сторону излом, если обратить внимание на пожухлые листья, то других веток и не узришь. Весь твой взор одной веткой занят. В лесу так нельзя. Будешь таким внимательным – одну опасность разглядишь, а сотню пропустишь. А вот попробуй ЦЕЛИКОМ на дерево взглянуть. Рассей взор, как малые реки по весне разливаются, как пыль дорожная все опеленывает. Охвати взглядом все дерево целиком.

– Так это коню понятно! – пожал плечами Микулка. – Ясное дело, что все ветки теперь видно.

– И сломанную?

– Ну да... А ведь Ваша правда, дед Зарян! Так и сломанную ветку видно, и все дерево разом, хоть листья считай. Только таким рассеянным взором трудно смотреть! Глаз так и выискивает за что зацепиться.

– Вот и учись. Это не только в лесу пригодится, попомнишь мои слова. Научишься рассеянный взор без труда держать, все ветки на дороге, все листья разом увидишь, ни одна ямка, ни одна кочка под лапоть не подвернется. А будет время, когда глазам это в привычку станет, так они сами будут твои ноги обводить вокруг препятствий. Ты и думать об этом забудешь. Как я.

Лешак еще немного брел за ними, Микулка иногда выхватывал взглядом смутную подвижную тень среди деревьев, но никак ухватиться взглядом за нее не мог. Хитер Лешак прятаться!

Когда поднялись к Велик-Камню, у Заряна уже была полна сумка зверобой-травы. Можно и отдохнуть. Да только на Микулкин взгляд с пустым желудком отдыху нет.

Вид сверху открывался великолепный. И впрямь на четыре стороны. Впереди раскинулось бескрайнее Русское море, прилипая к залитому солнцем небу на горизонте, за спиной горы спускались в Степь, разбегаясь холмами. По левую руку те же горы вздымались к облакам, пробивали их ледяными макушками, а по правую руку тянулись леса. Микулка знал, что там, за лесами, белел мрамором ромейский Херсонес, но он уже не манил как прежде, светлая мечта о прекрасных птицах, вине и уступчивых девках сменилась чем-то незнакомым, сладко-тревожным. Словно открыли пред ним, Микулкой, неведомую дверь, а за спиной осталась другая, за которой птицы и девки. И хочется войти в эту неведомую дверь, узнать, что за тайны за ней, какие сокровища. Вдруг не врет дед Зарян? Вдруг не разгляделось по молодости что-то такое в Руси, ради чего и жизнь положить не жалко? Умный дед. Много ведает секретов

разных, в грамотах его писано, что сильнее русича только боги, да и то не всегда. А вспомнить землянку родную под Киевом, так на памяти только грязь, навоз и побои.

А даже если и врет старый ведун? Что с того? Может в этом самый смысл и есть. Люди в тех грамотах русские, знакомые, не выдуманные. И земля наша. Тоже не выдумана. А что еще надо? Взять, да и сделать все самим по тем грамотам. Голову выше поднять, спину не горбить, плечом к плечу за родичей биться. Города строить, избы солнечные, дороги мостить. Так и пойдет.

Вот у деда в избе все ладно, все правильно. Неужто нельзя так на всей Руси сделать?

– Дед Зарян... – тихонько позвал Микулка, смотрящего в море старика. – Кушать больно хочется, пора бы вернуться.

4.

По дороге обратно Микулка решил сыграть в новую игру. Как учил дед Зарян, рассеял внимание, словно река разлилась, старался все разом замечать. По началу, вроде бы получалось, но потом в глазах зарябило, чуть носом в землю не врылся.

– Ты что, – усмехнулся старик, – решил за один день всему научиться?

– Ну, не всему...

– Вот и правильно. Приноравливайся потихоньку. То тут, то там. Даже в избе так смотреть можно.

– Дед Зарян, а правда, что за морем есть такая наука, ногами биться? Говаривали, в Киев два бойца таких приезжали, бились меж собой за деньги. Кто видел, говорит что дух захватывает. Прыгают, ногами в лицо бьются и орут как коты мартовские. А у самих лица желтые и глаза словно щелочки.

– Есть. А тебе что за интерес? Опять на заморское потянуло?

– А отчего не перенять науку, ежели хороша? Хоть и заморскую... Я вообще биться хочу научиться. На Руси без этого никуда. Вот если б я с ромеями ушел, там биться ни к чему, там никто не бьется. Все лежат, виноград кушают и вином запивают. А раз остался... Только где сыскать воина, который будет с сопливым мальчишкой возиться?

– Не сыскать... – вздохнул старик. – Раньше были веси за городом, где пахарей в ратников переучивали. Сейчас нет. А зачем тебе биться? Хочешь братьев своих проучить, коль вернешься?

– А если и их? Да только не для того мне наука такая. Никак не забуду я того печенег, что саблей мне промеж ушей угадал. Стыдно быть слабым, стыдно в лесу хорониться при первой опасности. Знал бы я тогда боевую науку, поубивал бы супостатов... Их всего пятеро было.

– Кхе... Всего. – качнул головой Зарян. – С одним бы справился, уже героем бы был. Хоть и мертвым.

– А я хочу быть живым! Говорят, что человека одним ударом зашибить можно. Пять ударов... Эка невидаль! Знать бы такой удар. – мечтательно произнес Микулка.

– Это уж точно, – спускаясь с крутого пригорка сказал Зарян, – зашибить легче легкого. А попробуй ты его роди, выкорми да воспитай. Вот то наука, так наука.

Они прошли по узкой тенистой тропке, иногда хватаясь за тонкие древесные стволы для устойчивости. С деревьев капала поздняя роса, падали жучки и мелкая труха. Пахло земным паром, прошлогодними прелыми листьями и жизнью.

– Лечить бы сначала научился, а то сразу биться... – добавил в сердцах Зарян.

– Так я же умею! Вот Вы мне сколько всего рассказали. Я в травах ведаю!

– Ага. Как коза в еловой шишке. – в глазах старика снова блеснули задорные искры. – Но ты прав, хоть и лентяй. Военной науке учиться надобно. Русичам ни силы не хватает, а уверенности в своих силах. Силушки-то предостаточно. Только она вместе с нами в лесах хоронится.

– Так по Вашему и учиться не надо, раз силушка есть. Военная наука она ведь что, она силу как раз и дает.

– Молод ты, Микулка, судишь опрометчиво. Военная наука сил не прибавит, коли их нет, а вот ежели есть, то направит их куда нужно и самому тебе покажет сколько силы в тебе и где ей предел. Это и есть уверенность, когда знаешь, скольких противников сможешь сдюжить один, а сколько с соратниками.

– Тогда мне учиться без толку... – склонил голову Микулка. – Силы во мне, как у воробья посреди зимы.

– А сколько по твоему силы нужно? – хитро прищурился Зарян.

– Чем больше, тем лучше! – уверено ответил паренек.

– Кхе... Слышал ли ты сказ про Святогора? Может до сих пор жив он, может помер, люди разное говорят, да только сила в нем была лишняя, чуть не погубила его.

– Это тот, что в сыру землю ушел? В твоих грамотах писано. Вранье небось... Где это видано, что бы сила лишней была?

– Язык у тебя длинный, а ум короткий. – нахмурился старик. – Вот в ком из нас с тобой силы больше?

– Да я хоть и не полянин, – усмехнулся паренек, – а Вас точно сдюжу.

– Ой ли?

Микулка приметил, что в глазах у старика появилось что-то новое, холодное, может даже злое.

– С голыми руками? – Зарян расправил старческие плечи. – Ты бы взял дубину, сам говоришь, что сила лишняя не бывает.

– Так я о враге! Не с Вами же драться...

– Так у врага силы поболее, чем у старика. – не унимался Зарян. – Как врага одолеешь, если меня одолеть не попробуешь?

– Так ведь зашибу ненароком... – не на шутку перепугался паренек.

Они сошли с пыльной тропинки на густую траву, место ровное, деревья кончились, вон уже и изба видна.

– Бери дубину, говорят тебе! – рыкнул на мальчишку Зарян. – И стукни меня в плечо.

Микулка перехватил посох, размахнулся не сильно и полоснул старика в руку. Да только удара не вышло. Старик и отходить не стал, повел плечом немножко, палка мимо прошлепала. И тут Микулка так получил стариковской клюкой пониже спины, что аж в глазах потемнело.

– Будет Вам драться! – захныкал паренек. – Чай не провинился, чтоб дубиной по срамным местам.

– Как же ты собираешься военной науке учиться, ежели боль не выносишь?

– Так я думал, что сам буду бить. Я же учусь.

– Вот теперь ты поймешь, что прежде чем бить, надо уметь защищаться, прежде чем ранить, надо научиться лечить. А прежде чем задумаешь оземь кого кинуть, сам поначалу падать научись.

– Не нужна мне такая наука, если потом кости будут болеть!

– Ну а мне что, не нужна, так не нужна. Ежели баба с воза, то кобыле вроде как легче ехать.

Микулка насупился и да самой избы шел молча, потирая ушибленное место. Дома помог деду стол накрыть, разлил густую похлебку по чашкам, хлеба наломал. А когда сели, вознесли хвалу Сваргу за добрую еду, паренек подождал пока старик первую ложку отведаст и уж только после этого свою взял.

Ох и впрямь добрая вышла еда! Мало видать в стариковой жизни радостей, вот он из еды радость и делает. Напек в углях оленины ломтями, чтоб румяной корочкой покрылась, да сок внутри оставила, опосля залил ключевой водой и в горшке тушиться оставил, сдоблив кореньями и ароматными травами. А как начала поспевать похлебка, так натер грибов сушеных и высыпал в варево для густоты, вкуса и питательности. Похлебка получилась аки сметана густая, а от духа можно слюной изойти. Микулка взял ломоть хлеба и принялся за еду. Оленина во рту таяла, да еще половинки не тертых грибов попадались. Выхлюпав похлебку, Микулка еще и подливку хлебом со дна чашки вымакал. Хорошо!

После еды старик пошел к сундуку грамоты свои перебирать, а может начертать что-то новое. А Микулка взял недочитанное и пошел из избы, бока красну солнышку подставлять. Но чтение не пошло. Хоть и болел зад от дедова удара, а любопытство так и гложит. Как же старый ведун увернулся? Вроде и сил в нем как у мухи осенней, а перепоясал посохом так,

что чуть хребет в лапти не высыпался. Резвый он для старика. Не иначе, как хитрую боевую науку ведает. А уж если он, слабосильный, с этой наукой знает как меня побить, так и я смогу бивать более сильных... Да только пока обучишься, старый Зарян мне так бока намнет, что не захочется ни с кем биться.

Но любопытство не оставляло молодого Микулку, он пытался вспомнить, как шла палка, как дед стоял, как плечом двинул. Не выдержал он, пошел к старику. Открыл дверь тихонько, стараясь не скрипнуть, вошел в сумрачно-прохладные сени, собрался с духом и вошел в комнату.

– Дед Зарян... – негромко позвал он. – Хочу научиться палку мимо себя пропускать! Сил нет, как охота! Если б я так мог...

– Кхе... Созрел, значит. – по доброму улыбнулся старик, отрываясь от письма за столом. – Скоро к тебе правильные мысли приходят. Далеко пойдешь... Ежели не остановят. Тумаков, стало быть, уже не боишься?

– А Вы не бейтесь крепко, тогда и бояться не буду! – Микулка не удержался и потер зад.

– Так боевая наука не только из тумачков состоит. Через боль, через пот пойдешь, через сопли-слюни кровавые. А прежде чем боевой науке учиться, надо силу развить, гибкость да смелость.

– Это как?

– Да вот так. Буду давать тебе разные испытания. С одного раза не пройдешь, второй-третий будешь пробовать. Тьму раз одно и тоже повторять придется. Я тебя не пугаю, не от науки отваживаю. Просто ступая на стезю, ты должен знать через что она тебя поведет. И куда. А ведет сия стезя через трудности, через пот и кровь к УВЕРЕННОСТИ в своих силах. А коль будет уверенность, так сможешь горы своротить, не поморщишься. Как и всякий русич. Ибо в русских жилах кровь Сварога, предка нашего, бурлит силой непобедимой. Непобедимой и доброй. Читал небось, как Сварг на самого Ящера ярмо накинуд? Так и всякую силу, даже самую злую, русич может победить, покорить и на благо использовать. Я ведь не с зазря про Ящера помянул... Недавно сон мне странный приснился, вещий, можно сказать, сон. Снилось мне, что далеко за морем родился страшный Змей, да такой сильный, что за один выдох целый град спалить мог. А то и два.

Бродил он по степям, по пустыням заморским, взрывал своим огнем губительным. А зола от того огня хуже пламени, и человека, и зверя, и птицу губит. Надоело ему по пустыням шастать, перелетел он за море и спалил два града с живыми людьми. Но на Русь он слаб оказался. Родился и на нашей земле такой Змей. Даже сильнее прежнего, заморского. Да только чем один Змей другого краше? Оба злые, друг на друга смотрят и взрывают.

Но явились тут русские витязи в белоснежных доспехах, заломали Змея возле реки Протва, в сотне верст от Москвы-реки, накинуд на него ярмо и заставили своим огнем работать, избы освещать, железо варить...

– Так вранье, небось... – неуверенно почесал затылок Микулка.

– Эх... Нет в тебе веры! Трудно будет с тобой. Сам себя в грязь лицом тыкаешь, мол плох я, ни на что не гождусь. Как других победить собираешься, коль себя не поборо? Свой страх, свою неуверенность, слабости свои мелкие?

– Вот бы и взяли меня научить!

– Уж попробую... Хотя непутевый ты на редкость. Ладно, нечего зря языком ветер гонять. Сходи к рудью, рыбы налови, а завтра поглядим, что из тебя сделать можно.

5.

И взялся дед Зарян за паренька не на шутку. С самого утра до завтрака гонял его бегом вокруг избы сотню раз, по началу у Микулки чуть глаза от натуги не вылазили, прохладный воздух грудь жег хуже пламени. Да только остановиться не мог, знал, что посохом в раз понижее спины получит. Потом еще три круга на четвереньках, да не ладонями по земле, а кулаками! Где густая трава, там еще стерпеть можно, а за избой дожди намыли земли и мелкого камня, там Микулка, давясь слезами, сбивал кулачки в кровь. Но еще не начав учить боевую науку, он понял, что человек любую трудность одолеть может. Если захочет. Стариковы испытания постепенно вытравливали из юной души НЕВЕРИЕ в свои силы. В первый раз, когда Зарян сказал бежать сто кругов, Микулка думал, что не сдюжит. Но пробежал, хотя иссохшие губы в кровь потрескались. Зато потом бежать стало легче, а когда решил счесть по шагам расстояние, получилось три версты! Кто бы сказал, что в раз, без передыху можно три версты пробежать, Микулка бы ответил: "Вранье, небось... Конь три версты пробежит – упарится!" Теперь поверил и в это, покуда на своей шкуре испробовал, и вообще Зарян от него слова «вранье» больше не слыхивал.

Как сменился месяц, старик стал заставлять Микулку по деревьям лазить, потом стал ноги связывать, чтоб он одними руками за ветки цеплялся.

– В руках равновесие должно быть. – говаривал дед Зарян. – Сколько есть в них толкательной силы, столько должно быть и тяговой. Толкательной силой удар крепчает, тяговой врага на землю свалить можно.

– Ну, тяговую силу я на деревьях возьму, а откуда толкательной взяться? – интересовался любопытный Микулка.

– Кхе... Вот недотепа! А кто на карачках вокруг дома на заре скачет? От этого испытания и сила в руках, и кулак тверже булата становится.

Когда луна стала круглой, Микулка мог без труда две сотни раз оббежать избу, руки налились упругой силой, а ссадины на кулаках превратились в розовые мозоли, хоть головешку об них туши.

Но как-то утром дед Зарян испытания отменил.

– Хватит зазря своим потом воздух греть! – ворчал старик. – От одних испытаний человеком не станешь. Человека только труд может сделать. Бери топор и пойдем к ключу. Видал, вчера ручей заколодило? Надобно расчистить, не то заболотится, не хватало нам упырей возле дома.

– Так Вы после испытаний боевую науку обещали! – возмутился Микулка.

– Экий ты быстрый! Настоящая боевая наука только через труд войдет. Ты хоть сто потов с себя стони испытанием, а кроме сырости никакого толку не будет.

– Так зачем я на карачках-то... – не на шутку обиделся паренек.

– Чтоб топор из рук не ронял. Первую силу испытаниями нажил, но дальше только работой. Пойдем, пойдем, выучу тебя топор держать...

6.

Весна, а ночи еще студеные... Хотя и нет злого ветра, а воду к утру тонким хрустом прихватывает.

Микулка, устав за день до последней возможности, спал крепко, без снов, Зарян ворочался на лавке, кутаясь в куцее одеяло, а дедов филин привычно чистил перья, словно на свадьбу готовился. Вдруг зашуршало что-то под столом, зашлепало. Филин бросил чиститься, оглядел избу глазами-блюдцами, не понравился ему звук, растревожил, хлопнул он крыльями и растворился в звездной пыли, вылетев в отдушину.

А звук не прекратился, только усилился. Скрипнула половица, брякнул горшок у печки, мелькнула в лунном свете неясная тень. Микулка проснулся от шума, думал крыса озорничает, поискал рукой что-нибудь тяжелое, нащупал ухват у стенки, да только в ход пустить не успел.

– Ты пошто за ухват схватился? – раздался снизу насмешливый женский голосок. – Никак ш бабой воевать удумал?

– Так откель тут баба... – ничего не соображая спросоня, молвил Микулка.

– Откель... Откель надобно. Зарян твой, пока не таким штарым был, приютил шабаченку, а я на нее верхом, да в избу. Шабаченка уж издохла давно, а я ошталась...

Микулка сел на печи, постепенно собираясь с мыслями.

– Так ты кикимора, что ли? – неуверенно спросил он.

– Кому ж еще быть? Шишимора и ешть.

– А у нас в землянке домовой жил... – с грустью вспомнил Микулка.

– Так в доме, видать, и кошка была.

– Ясное дело! Не мамка же мышей ловила...

– То-то и оно... – в голосе кикиморы послышалась застарелая грусть. – Кошка, она как лошадь для домового, ее первой в новую избу впускают, штоб Хозяин на ней въехал. Въехал, да ошмотрелся, хозяйство принял. А уж потом на шабаке кикимора въезжает, иначе домовому одному тошка, может и захиреть. А всем известно, что когда у домового в шемье радость, так и в доме шастье. Только шабак много иметь нельзя, не то еще хуже будет!

– Это почему?

– А ешли бы у тебя ш дефяток жен было? Да хотя бы и три? Была бы у тебя в шемье радощь? Маята одна, шшоры да шклоки. А ведь на каждой новой шабаке в дом новая шишимора въезжает. Домовой только один может быть, а шишимор школько пол выдержит.

– Наверно потому у нас в доме и не сладилось...

– Может и потому, а может шами виноваты. Негоже за швои оплохи вину на домового шваливать.

А вот я одинокая... Штарый Зарян так кошку и не взял, у него филин мышей ловит. А мне без Хозяина каково? Дед ш тошки мучался, и меня на тошку обрек.

– А чего ж не сказала ему?

Микулка наклонился с печи и разглядел в тени маленькую, в две ладони росточком, женщину. Одежды на ней никакой не было, только куталась она в густые зеленые волосы, обрамлявшие доброе и печальное лицо. Из прически смешно торчали остроконечные звериные ушки.

– Чего уштавился? – недовольно шикнула кикимора, прикрывая волосами торчащие ушки – Бабы нагой не видал?

– Неа... – осклабился Микулка.

– Увидишь еще! А шо штариком мы не шладили. Я по молодости да по глупости шалила больно, то горшки побью, то грамоты его попрячу так, что никто не шыщет. Думала, поймет Зарян, что мне Хозяин нужен. А он разобиделся...

– Не мудрено!

– Но я поняла как ему помочь, и как щек не обидеть. Решила избавить его от тошки, может и он надо мной жжалится? Я на филина нашептала, чтоб приманил тебя к дому...

– Так это ты?! – искренне удивился Микулка. – А дед Зарян думал, что Сварг...

– Шо швоими Богами вы, шами разберетесь, мы народ шамоштойательный, ни Белобогу, ни Чернобогу не шлужим. А что шделала, то шделала. Вот только не понял штарик... Уже и мефяц шменился, а о кошке никто и не помышляет.

– Эх... Горемычная... – пожалел кикимору Микулка. – Не горюй. Вот к ромеям за покупками пойдем, добуду тебе котейко. Благодарен я тебе, что не к ромеям попал, а к старому Заряну.

Лунный свет осветил улыбку на маленьком женском лице.

– Шпасибо на добром шлове. Не зря, видать, штаралась. И тебя от беды шберегла, и деду радофть, может и у меня жизнь наладится. А теперь шпи, загонял тебя, небофь, штарый ведун.

* * *

Микулка проснулся отдохнувший и свежий. Дед все еще спал, укутавшись в одеяло, хоть вся изба была залита утренним светом. За окном густая зеленая трава покрылась белыми пятнами инея, но он таял быстро, едва касалось его теплое дыхание Ярилы.

Микулка раздул печь, поискал по горшкам снедь, украдкой подцепил пару вчерашних блинов, заглянул в чан с борщом, стараясь углядеть аппетитный мосол, но мосла там не было, только желтая корка застывшего жира.

– Ты чего по горшкам лазишь, негодник! – прокряхтел, поднимаясь с лавки Зарян. – Ставь на жар! Холодное есть, все равно как в канаву вылить. Ни вкусу, ни проку. Перевод один.

Микулка поспешно загремел посудой, не хотел с утра пораньше гневить старика.

– Дед Зарян... – вкрадчиво начал он. – А сколько раз Вы обещались к ромеям пойти? Уже и масло на исходе, и муки надо бы прикупить, и крупы.

– Засиделся? И то верно... – кивнул хозяин. – Негоже молодому хлопцу взаперти сидеть, чай не красна девица. Сегодня и сходим, раз не терпится...

– А как добро донесем? Это ж не меньше трех мешков! Или ромеи за деньги сами доставят?

– За деньги они куда хочешь доставят, да только делать им тут нечего. Было бы добро, а как донести, авось сами придумаем.

Завтракал Микулка спешно, глотал кусками, не прожевывая, да только зря спешил, дед кушал неторопливо, с удовольствием купал нос в плошке с борщом, сопел, причмокивал.

– Кхе... Молодой ты, Микулка, аж завидно. – ухмылялся Зарян, утирая тряпицей рот. – У тебя столько всего впереди, что ты радостей под ногами не замечаешь, а все гонишься за ними невесть куда. Ромеев узреть спешишь, а от простой радости, покушать всласть, отказываешься.

– Так покушать я еще успею! А ромеев я досель не видывал, это новое, не изведенное.

– Вот и я о том. Много у тебя впереди неизведанного, а у меня все позади уже.

Утро выдалось жарким, от утренней изморози только пар к небесам поднимался. Зарян порылся в сундуке, достал увесистый кошель, привязал к поясу, прихватил пустых полотняных мешков, завернул блинов на дорогу и догнал Микулку у кромки леса.

Они пошли, раздвигая руками ветви, уминая ногами мягкий ковер прелых листьев. Тропы на восток не было, пришлось поначалу продираться напролом, дорога ведущая на север, осталась позади избушки, а на юг, к Велик-Камню, вела знакомая горная стежка. А в эту сторону Микулка еще не хаживал, даже охотились они с дедом южнее, ближе к морю.

Зарян не взял никакого оружия, да у него кроме охотничьего неповоротливого лука ничего и не было, только опирался на свой суковатый посох, который называл по своему –

шалапугой. Микулка и посоха не взял, ноги крепкие, а коль кого отходить, так дубина завсегда найдется. Была бы спина!

Каждая верста давалась с трудом, все-таки не степь. Солнышко изрядно припекало, но лес густой, хоронил от излишнего жару, пропуская солнечный свет как сквозь сито. К обеду добрались до Покат-Горы, с нее белокаменный Херсонес был виден как на ладони, вклинивался в море, держал корабли у причалов. Стремилась к небесам мраморные колонны, постройки казались легкими, словно созданными из света и утреннего тумана. Микулка всегда знал, что за дремучими киевскими лесами простирается невеста на сколько дивный сказочный мир, но теперь понял, что он намного удивительней и интересней, чем баяли волхвы и бывавший в заморских странах люд.

– Красиво как... – не удержал он восторга. – Слово из облаков город.

– Ладно, давай передохнем, да вчерашних блинов отведаем, а то засохнут совсем. А идти уже самую малость. Не устал?

– Да что мне двадцать верст пехом, если я бегом по шесть одолеваю?

– Не храбрись зазря, но и нос не вешай. Научился побеждать, надо уметь и проигрывать. Может так статься, что одна верста тяжелее сотни будет. Не только тело надо закалять, но и дух. Тогда уж никакие трудности тебя не сломают.

Солнце застряло в зените, заливая светом и теплом поляну, поросшую травами и ранними цветами. Дух от них шел сонный, одуряющий. Впереди уже леса не было, с Покат-Горы прямо в Херсонес дорога.

Старик уселся прямо в траву, развернул блины, поделил поровну и отдал половину Микулке. Потом развязал кошель, отсчитал десяток монет и тоже отдал пареньку.

– На вот, держи. Я делами займусь, а ты не стесняйся, погляди как ромеи живут. У них соблазнов много, так что деньги трать, я их с собой в могилу не заберу.

Микулка завязал монеты в пояс и принялся за блины, поскольку аппетит уже здорово разыгрался. Вдруг сзади хрустнула ветка и на поляну вышла девушка лет шестнадцати, в белом полотняном сарафане, волосы в русую косу сплетены. Микулка сразу заметил, как напрягся дед, да и сам встревожился.

– Сиди смирно! – шепнул Зарян.

Девушка без спешки прошла шагов пять и взглянула на путников.

– Исполать! – поклонилась она. – Можно вашего угощеньяца отведать?

– Отчего ж нельзя? – любезно ответил старик подбирая под себя шалапугу. – Завсегда можно! А ну, дай отрочице блинцов.

– Это Вы мне, дед Зарян?

– Ну уж не дереву стаеросовому! Кидай блин и сиди смирно.

Микулка дрожащими руками свернул блин комом и, ничего не понимая, бросил улыбавшейся девушке. Она рванулась на пару шагов вперед и прямо на лету поймала угощение зубами, издав зловещий утробный рык.

Микулку затрусило крупной дрожью, даже зубы застучали, а лицо девушки так и играло улыбкой.

– Вкусенький блиночек! – похвалила она, медленно приближаясь. – Еще бы отведать!

У паренька и ноги и руки отнялись со страху, а рубаха в миг пристала к спине липким холодным потом. Эдакой жути он еще среди бела дня не видывал.

– Сгинь, нежить проклятая! – старик поднялся на ноги, опираясь на шалапугу.

Не смотря на преклонные годы и низкий рост, выглядел он достаточно грозно.

– Не больно вы вежливы, добрые путешники... – сладким голоском пропела девушка, потихоньку подшагивая все ближе и сверкая крепкими, удивительно ровными зубами. – Может дадите мне к блиночкам и мясца отведать? Тепленького...

Микулка приметил, что за спиной полуденницы дрогнули ветви и из леса возникли еще пять фигур. Среди них были и хлопцы, хотя сам он слышал, что полуденницы, это не похороненные по божески девки. Врут, значит. Хлопцы тоже улыбались, но улыбки были не сахарные, как у девиц, скорее нагловатые.

Первой бросилась на деда девка. Зарян ловко увернулся, крутнувшись волчком, и перетянул полуденницу увесистой шалапугой. Хребет сочно хрустнул, не выдержав крепкого удара, и девушка с жутким воем повалилась в густую траву. Подскочивший полевик-полуденник сам наткнулся на конец посоха, пробившего его грудь навывлет, сухо крикнул и рухнул как спиленное дерево. Дед умело выдернул палку и влет раскроил череп следующему хлопцу. И тут на него враз надели оставшиеся трое. Микулка рванулся с места, как только сообразил, что происходит, да только половина врагов уже цветы собой смяла.

Девки выли и визжали, руки с длинными ногтями к лицу дедову тянули, а хлопец все норовил ухватить старика за ноги, за что уже пару раз отведал по рукам шалапугой.

– Беги в город! – рявкнул Зарян своему подопечному. – Туда они не сунутся.

Микулка слушать деда не стал, влупил хлопцу в ухо окрепшим от испытаний кулачищем. Череп поддался легко, как весенний ледок, разбрызгал на цветы зловонную жижу. Тут же девки с грозным рыком сбили его с ног, повалили в траву, пытаясь достать зубами. Одна сразу оставила его и бросилась на деда, но сбить его с ног оказалась слаба. Микулка насилу вывернулся, вскочил на ноги и бросился к Заряну на подмогу, толкнул дедову противницу в спину, ухватил старика под локоть и рванулся вниз, к Херсонесу.

Под гору бежать было легко, да только до города еще версты две, а полуденницы отставать и не думали. Дед Зарян бегуном оказался не важным, задохнулся с двадцатого шага, пришлось Микулке его на плечо взвалить, аки мешок с отрубями.

Сердце чуть ребра изнутри не проламывало, а нежить устали, видать, не знает. Одна полуденница ухватила Микулку за полушубок, с треском вырвала клочок меха, чуть с ног не свалила. Да только сама не удержалась и с визгом упала, давя телом ароматную зелень.

– Стой! – зашипел прямо в ухо старик. – До города все равно не добежишь, я ведь не пуд вешу. Да и нежить в лесу оставлять негоже.

– Так задерут! – с ужасом воскликнул Микулка.

– Да стой, говорю! – нетерпеливо рявкнул Зарян.

Паренек стал как вкопанный и опустил свою ношу. Только старик коснулся земли, как мигом перекатился вбок, пропустив мимо себя полуденницу, и всадил ей шалапугой в затылок, словно копьем.

Микулка встретил свою противницу на вытянутые руки, схватил за волосы, опасаясь зубов, но та была верткая, так у запястий и клацала.

– Оземь кидай! – посоветовал Зарян. – Повернись волчком, она сама свалится!

Микулка крутнулся вокруг себя и легко уложил полуденницу в траву, сам удивился легкости движения, это не силой тягаться! Старик подскочил и хряпнул лежащую по голове, вышибая мозги. Лицо у него было такое, словно он задавил таракана.

– Вот дрянь... – запыхавшись фыркнул Микулка и обтер руки о траву. – Чуть на части не порвали. Был бы я один, в миг бы уделали... Дед Зарян, а как вы ее распознали? Девка и девка, а Вы за дубину сразу ухватились.

– Кхе... До чего же ты бестолковый! Они тени не отбрасывают. Нежить...

Микулка призадумался и понял, что больше смотрел на саму девушку, о тени даже не помышлял. Вот тут и понял он смысл рассеянного взора. Кабы всю поляну зрел, все бы и приметил!

Отдышавшись после битвы, Зарян сказал наломать дров побольше и сложить огромный костер.

– Хоть и нежить, а зверям на корм оставлять негоже, еще отравятся... Надо сжечь, с дымом все зло из них выйдет, души успокоятся.

Микулка осторожно побродил среди близких деревьев, собрал валежник, обломил сухой, сложил костер какой смог. И зачем это старый ведун с мертвечиной возится? Уже бы у ромеев были!

Морщась от омерзения, путники стащили на хворост трупы.

– Сходи, принеси сухой травы для розжигу. – попросил старик.

Микулка побежал к лесу, а когда вернулся с пучком травы, огонь уже жарко пылал, пожирая сгнившую изнутри плоть.

– А из чего Вы огонь высекли? – удивился Микулка.

– Много будешь знать, скоро состаришься. – отшутился Зарян.

Костер прогорал долго, действовал нетерпеливому Микулке на нервы, поэтому в городские ворота путники вошли лишь тогда, когда солнце миновало три четверти своего дневного пути.

7.

Дед Зарян остался на базаре, а Микулка пошел к морским причалам, посмотреть корабли.

Легкий прохладный ветерок морщил бескрайнюю сине-зеленую плоскость невысокими гребнями волн. Ветер пах солью, свежей рыбой и дальними странами, у причалов покачивались просоленные корабли, трещали толстые пеньковые канаты, скрипели сосновые мачты. Микулка с упоением вдыхал этот воздух, жадно пожирая взглядом сверкавшую солнцем синь. Прозрачная вода играла солнцем, подводные камни манили вглубь, призывно махая морской травой. Микулка никогда еще не видел моря так близко и никогда не думал, что оно его так удивит.

В прозрачных небесах надрывно кричали белоснежные чайки, кувыркались в воздушных потоках, камнем падали к воде, хватая рыбу. По причалу взад и вперед сновал, скрипя истертыми досками, разнообразный народ одетый пестро и броско. Тут были и арабы, и чернокожие, от которых оторопь брала, и русичи в богатых кафтанах с соболиной опушкой. У самого края причала стояли три печенег в шапках и толстых халатах, смотрели на всех подозрительно, не опускали рук с рукоятей сабель. Микулка с трудом оторвал от них взгляд, так бы и бросился, да только старик говорил, мол со своим указом в чужой град не ходи...

Не смотря на разношерстность толпы на Микулку обращали внимание, обходя оглядывались, морщили носы неприязненно, выговаривали словечки на незнакомых языках, говорили зло, презрительно. Микулка насупил брови и отошел от причала.

– Что я кораблей не видывал? – буркнул он в обиду себе под нос. – Шастают тут всякие, еще в полушубке дыру проглядят! И так их как в сите...

Он оглянулся на море, вздохнул и пошел в город, поближе к базару.

Не смотря на послеполуденное время, город шумел, жил своей быстрой, непривычной для паренька жизнью. Собирался народ в открытом театре, а правее, на невысоком пригорке, чеканил звонкие удары монетный двор, дымил, гудел пламенем горнов. У монетного двора стояли два воина в сверкающих медных латах, со щитами и копьями, а чуть поодаль резались в кости еще трое, побросав оружие на траву.

На улицах торговали вином и горячей снедью, шкворчавшей на раскаленных углях жаровнях. Микулка выкрутил из пояса пару монет и подошел к лотку, попробовать ромейской сыти. Продавец поначалу и смотреть на Микулку не хотел, только косился неприязненно, но увидав монеты на протянутой ладони, в миг оживился и расплылся в улыбке. Зубам у него во рту тесно не было, видать не уберег в пьяной драке.

– Рууусич... – понимающе протянул продавец. – Деньги есть, давай будем кушать. Сколько денег есть? Много, да? А что хочешь? Мясо есть, вино есть, рыба горячая, в масле жареная!

Микулка сглотнул слюну, глядя на румяные ломтики, шкворчащие в золотистом масле.

– Дайте рыбу и вина.

– Кувшин?

– А что, налить нельзя? – удивился паренек.

– Можно, но кувшин дешевле.

– Как дешевле, вина-то больше!

– Эх, рууусич... Молодой, не грамотный. Кружка вина одну монету стоит. В кувшине шесть кружек, а отдам кувшин за четыре монеты. Две кружки даром!

Микулка искренне удивился такому хитрому счету, но заказал кувшин, дед доволен будет, что он ромея на две кружки обхитрил.

– Рыбу с зеленой или без? – деловито спросил продавец.

– А как дешевле?

– А что, мало денег? – хитро прищурился ромей.

– Не знаю... – честно ответил Микулка. – Мне ваши цены не ведомы, у меня всего десять монет, четыре за вино отдам.

– Как раз! – радостно улыбнулся продавец. – Как раз хватит и на зелень, и на рыбу, и еще на лепешку. Будет лепешка горячая!

Микулка радостно вытрусил из пояса монеты и отдал продавцу. Это ж надо, в точности хватило, даже на хлеб осталось! До чего же умный дед Зарян, все предусмотрел! Он подхватил закрытый пробкой кувшин подмышку, взял двумя руками горячую рыбу, завернутую в лепешку и обжигаясь пошел к базару.

Оказалось, что еда на вид была куда лучше, чем на вкус, да и рыбы там было с воробынью фигу. Трава да кости. Хлеб давнишний, над паром гретый. Микулка куснул пару раз, сплюнул, вспомнил вкусную дедову похлебку из оленины, но выбрасывать лепешку с рыбой не стал – было жаль денег, да и старик наказывал хлеб никогда не бросать. Так и шел он по мощеной улице, прошел каменную баню, удивившись, как можно в такой париться, ни тепла живого, ни аромата древесного, а за баней и базар показался. У самого входа нетерпеливо крутил головой дед Зарян, выискивал в толпе знакомый полушубок.

– А... Вот ты где! – облегченно улыбнулся старик, заведя паренька. – Ну что, нагулялся? Смотрю, прикупил чего-то...

– Это я вина взял, дед Зарян. Еду запить.

– А на что тебе целый кувшин? Лопнешь ведь! Да и хмель с ног сшибет.

– Так я ромея надул! – рассмеялся Микулка, доедая пресную лепешку. – В кувшине шесть кружек, а я заплатил за четыре.

– Кхе... Кхе... Купец... – покачал головой Зарян. – Надул, значить? Хотел кружку взять, монету заплатить, с него выдурили ЧЕТЫРЕ, а он еще радуется! Эх... Простота!

Старик взял кувшин, вытянул пробку, попробовал вина, скривился как середина на пятицу, сплюнул.

– Тьфу, кислятина! Не мудрено, что он эту гадость всучить спешил.

– Так задешево!

– Вот бестолочь... Кувшин ДОЛЖЕН стоить дешевле, чем столько же кружек, сколько в него влезит! Он кувшин продал, и голова не болит, а в розлив полдня стоять надо.

До Микулки наконец дошло, что его провели как слепого щенка.

– Он еще и рыбу поганую дал. – надув губы, пожаловался он. – Правда с хлебом. Шесть монет как раз хватило.

– Сколько?! – Зарян чуть посох не выронил. – Ты все деньги у него оставил?

– Ну да...

– Где он стоит? – поинтересовался старик, беря парня за руку.

– За баней, оттуда монетный двор видно.

Зарян с неожиданной для него прытью пошел по улице, утягивая за собой насупившегося паренька. Прохожие старались обходить их загодя, чтоб не наткнуться.

Торговец стоял на прежнем месте, обслуживая двоих покупателей. Зарян придержал шаг, расслабился, сгорбил спину, Микулка даже удивился, какой он стал старый и немощный.

– О, руусичи! – расплылся в улыбке продавец. – Еще рыбки хотите, или вина не хватило?

– Кхе... Кхе... – заперхал старик. – А почему рыбка-то?

– Цельный кусок – две монеты, зеленью в мясо набитая – монету. Там мяса меньше.

– С хлебом? – еле слышно спросил Зарян.

Улыбка медленно сошла с губ торговца.

– Будете брать, берите, – скривился он, – а нет, так ходите дальше.

– А ты пойти не хочешь? – Зарян слегка распрямил спину. – Подальше?

Торговец взглянул на воинов, стоявших у монетного двора и снова улыбнулся.

– Я вашему малчику кувшин вина отдал дешевле, взял эти деньги за рыбу, потом он попросил зелень дополнительно положить и лепешку распарить, а это обслуживание!

– Забирай свой кувшин и вертай девять монет! – повысил голос старик. – Ишь чего удумал, дитятю дурить!

– Кувшин не возьму, забирайте пять монет и идите с миром, а то из-за вас покупатели не подходят. Мне просто с вами спорить дороже.

– Кхе... Ежели кувшин не возьмешь, – расправил плечи Зарян, – То я его с твоей башкой побратаю.

– Угрожаешь, рууусич? – зло оперся на лоток ромей. – Стар ты больно мне угрожать! Смотри, будешь рассыпаться, если дальше грубить станешь.

– Возьми кувшин, не гневи Богов! – злобно прошипел Зарян.

Микулка никогда еще не видел старика таким злым, даже кулаки хрустнули, сжимая посох.

Продавец пожал плечами, взял кувшин и неожиданно завопил по-ромейски, срывая голос. Воины у монетного двора оставили игру и повернули головы в шлемах. Прохожие заинтересовано останавливались, глядели с ухмылкой. Потихоньку стала собираться любопытная толпа.

– Беда, дед Зарян! – потянул старика за рукав Микулка. – Надобно уходить, не то еще в темницу угодим. Экий я и впрямь дурень... Даже обидно.

– Умолкни, Микулка. Не за деньги спорю, за справедливость. Каким же надо быть бездушным торгашом, чтобы неграмотного отрока дурить? Велика заслуга...

Ладно, пойдем, не то меднолобые говорить с нами не будут, а супротив всего Херсонеса воевать пока не выйдет.

Они вернулись к базару, провожаемые насмешливым взглядом ромей. Там их ждали шесть носильщиков с кучей мелких мешков и мешочков. Зарян объяснил им что-то по-ромейски, показав в сторону Покат-горы и они, подняв поклажу, двинулись к воротам.

– Дед Зарян... – неуверенно позвал паренек. – А ведь соромно так уходить, правды не доказамши.

– Неужто гордость проклюнулась? – посветлевшим взглядом сверкнул старик.

– Может и гордость. – пожал плечами Микулка. – Не знаю. Да только соромно, вот и весь сказ.

– Кхе... Кхе... Видят Боги, будет из тебя толк! Идем.

Они снова миновали баню и неожиданно вынырнули из снующей толпы перед изумленным торговцем. Толпа стала как будто гуще, гудела, продвигалась ближе к открытому театру, заслоняла от глаз охранников с монетного двора.

– Ты денег хотел? – придвинувшись к лотку, спросил Зарян. – Так мы не за ними пришли, оставь их себе.

Торговец оторопело взглянул на деда сверху вниз, постепенно меняясь в лице.

– Только за все платить надобно... – продолжил старик. – Ничего задаром не бывает. Если попробуешь крикнуть, я тебе шалапугой мозги враз вышибу, не сомневайся. Верни-ка, Микулка, ему сдачу. И не дури, по чести отдай. Он ведь с тобой по честному...

Микулка на миг задумался, затем взял с лотка узкогорлый кувшин и душевно шарахнул им в здоровенную амфору с вином, стоявшую прямо на мостовой рядом с торговцем. У того аж лицо пожелтело, чуть чувств не лишился, узрев как вино рекой потекло в сточную канаву.

– Вроде в расчете! И знай, за все в жизни расчет будет! – повторил паренек слова старого Заряна.

Ромей промолчал, не сводя слезившихся глаз с увесистого посоха, только желваками на скулах поигрывал. Зарян взял Микулку за руку и миготом исчез в толпе. На этот раз провожавший их взгляд насмешливым не был.

8.

Они прошли мимо рынка, направляясь к воротам, но Микулку не оставляло чувство, что он чего-то не доглядел, забыл о чем-то важном, без чего покидать город нельзя. Но сколько не ловил он мысли за хвост, нужная все равно ускользала.

Слева вдоль мощеной улицы тянулась сливная канава, источавшая смрадное зловоние. Кое-где ее перекрывали каменные плиты, но по большей части вода несла экскременты и помои на виду у прохожих. Микулка поморщился, представив изливающийся в море грязный поток. Большой город, много людей...

Еще левее, в небольшой рощице невысоких деревьев, развалила мусор обширная свалка, гудела ранними мухами, визжала и грызлась худыми драными псами. Собаки не столько цапались меж собой, сколько лаяли на маленького, еле державшегося за ветку котенка. И тут Микулка вспомнил, что обещал кикиморе котейко в дом принести.

– Дед Зарян! – взмолился Микулка. – Глядите, котейко глупый совсем, того и гляди свалится. Совсем как я, когда к Вам попал... Не оставлять же его! Давайте возьмем в избу!

– Кхе... Ладно, чего уж там. Но если нагадит...

Дождаться конца фразы Микулка не стал, рванул к деревьям, разгоняя собак поднятыми с земли камнями. Снял котенка, жалкого и испуганного, сунул за пазуху и вернулся к деду, который уже подходил к городским воротам

– Дед Зарян, – неуверенно спросил Микулка, выйдя из городских ворот, – А почему мы к ромеям на базар пошли? Неужто рядом русских весей нет?

– Русичи дальше на восход живут, все больше у Сурожского моря. Сплотились, княжество создали. Есть две-три веси отсюда на полудень, но базара там нет, каждый сам свое хозяйство содержит, зачем им базар? А кроме того ты ведь к ромеям хотел!

Микулка вздохнул, ничего не ответил.

– И не вздыхай так. Небось удумал, что я только заради тебя в такую даль перся. Много чести. Просто сижу я в лесу давно, новостей последних не слыхивал... Вот скажи, откель лучше всего новости узнавать?

– От княжьих посланников... – неуверенно ответил паренек.

– Вот дурень... – усмехнулся в усы старик. – Самые лучшие новости на базаре и в корчме. Токма надо уши торчком держать и кривду от правды уметь отсеивать.

Они пошли вверх на Покат-гору, впереди маячили сгорбленные под тяжестью спины носильщиков. Добравшись до кромки леса, где среди цветов серым пеплом зияла выжженная погребальным кострищем трава, старик сказал ромеям оставить поклажу, заплатил деньги и проводил их взглядом, пока они не отошли на два броска камнем.

– Дед Зарян! – удивленно воскликнул паренек. – Мы это все вдвоем не утянем.

– Кхе... Вот незадача! – покачал головой Зарян. – Как же я сам не додумался... Эх... Умнеешь ты потихоньку, да только веры в главное у тебя пока нет.

– А что же главное? – не понял Микулка.

– То что родная земля завсегда сама помогает. Особливо тому, кто ее знает и ценит. Как у самого сил не достанет, так друг старый на помощь придет, от жажды знакомый родник выручит, а от дождя прикроет одному тебе ведомое дерево. Вот и у меня старый друг есть. Не мешай, дай покликать.

Старик прислушался, понюхал воздух, зашел в тень леса и громко, тоскливо завыл по-волчьи, Микулка даже дернулся от неожиданности. Зарян замолчал, снова прислушался, всмотрелся в лес и наконец улыбнулся. Хитро улыбнулся, по-стариковски.

Из-за раскидистых веток ему на встречу вышел не высокий, седой как лунь, старец, ростом с Заряна, но весь статный, ухоженный. Белоснежная борода и усы свисали до самой

грудь, глаза ясные, густо-серые, смотрели надменно и строго. На груди скалился деревянным оскалом большой оберег в виде волчьей головы.

– Исполать! – не наклонив головы тихо произнес старец. – Здрав буде, витязь. Нунечку покликал меня, а уж две зимы мы с тобою не виделись.

– Полно те! – еще шире улыбнулся Зарян. – Какой с меня нынче витязь? Вон, по утрам ветром шатает, нужду справить по-людски не могу.

– А мои, когда окол твоей избы ходят, приносят о тебе вести, кажут цветнем отрока пригрел, жалуются, что без сыти их оставил.

– Им того отрока, на один зуб, а проку от него много больше будет.

– Ведаю... Ежели к тебе попал – буде прок. Так чего кликал меня?

– Кхе... Вишь, добра у ромеев набрал? Одному не донести, да и с хлопцем вдвоем не утянем. Помоги по старой дружбе, чай друг друга не раз выручали.

– Дерзкий ты, смертный... – одобрительно прошептал старец. – Ни перед людьми, ни перед богами шею не гнешь. Где видано, чтобы Бог Волков людям мешки тягал? А тебе вспомогут. Ты сам аки волк.

Старец потер оберег и на поляну, насупившись от вечернего света, вышли девять здоровенных матерых волков. Словно тени, ни у одного ветка под лапой не хрустнула. Каждый из них взял зубами поклажу и резво скрылся в лесу. Остались двое, сели у ног старца.

– Тяжко мне... – неожиданно пожаловался старец. – Басурмане меднолицые, узкоглазые, бьют моих почем зря... На своей земле так не стали бы...

– Да нет у них своей земли... Степь их земля. Нагадят, вытопчут, пожгут, потом кочуют. Так в седлах и живут. – ответил Зарян.

Микулка с ужасом заметил, что в облике старца стало появляться что-то отчетливо волчье.

– Не злись, старый друг. – успокоил его Зарян. – Не век им хозяйничать. Сам знаешь, что на всякую силу найдется сила большая.

– Так это и есть отрок твой? – неожиданно сменил тему старец, поглядев на Микулку.

– Я ничейный! – поднял подбородок Микулка. – Я сам по себе! А Вы кто?

– Знать от тебя словес поднабрался? – обратился старец к Заряну.

– Да он сам такой... Микулка, со старшими надо повежливей быть, коль захотят, сами представятся, а нет, значит помалкивай.

– Народ меня волкодлаком кличет. – еле слышно представился старец. – Волки Богом считают, но на самом деле я и есть волк. Я – это они все вместе. Без них меня нет, без меня им не жить. Я запомнил тебя, молодой вой, может еще свидимся. Лишь бы по доброму...

Старец шагнул назад и растворился среди молодой листвы, уронившей густые вечерние тени. Волки, сидевшие подле его ног, припали на брюхо и подползли к путникам.

– Не трусь! – остановил Зарян попятившегося паренька. – Это наши кони. Домой поедем, а то вечереет, пешком засветло не доберемся. И котенка давай, он у меня целее будет, а то уронишь еще.

* * *

Короткий закат красной пастью сожрал дневное светило, на темной сини высокого неба распустились мохнатые звезды, а впереди серебрила вершины заснеженных гор восстающая луна.

У Микулки дух захватило от бешеной скачки по темному горному лесу. Волк словно летел, рассекая пространство разверзнутой пастью, едва касался широкими лапами замшевой земли. От него пахло теплом, свалившейся шерстью и силой. Необузданной первобытной силой дикого зверя. Микулка вцепился в густую шерсть на волчьем загривке, обхватил ногами

мохнатое тело, поначалу закрывал глаза, ежась от страха, но потом понял, что вреда не будет, осмелел, опьяненный диким восторгом скорости. Совсем рядом рвал темноту могучей грудью волк, несущий на себе старика. Зарян сидел на сверкавшем глазами звере словно на лавке, держался одной рукой, посохом отводил от лица хлеставшие ветви.

Микулка приметил, что справа и слева несутся еще несколько быстрых теней, сверкая глазами в крепчающем лунном свете, а когда луна поднялась над бриллиантово-ледяной вершиной, он услышал протяжный, торжествующий вой. Микулка и сам захотел завывать, подчиняясь единому ритму света и скорости, не удержался, затянул волчью песню, вторя мохнатым зверям в темноте. Хлестнула в лицо шальная ветка, паренек затих и покрепче вцепился в лохматую шерсть.

Вскоре добрались до самой избы. Мешки были исправно сложены у входа, а серых носильщиков и след простыл. Микулка со своего волка упал как сноп, старик слез чинно, отряхнулся, достал из под полы пищущего котенка. Волки попятились и бесшумно растворились в лесной чащобе, а дед кряхтя отпер дверь, поставил у порога дрожащего как осиновый лист котейко и не злым шлепком отправил в сени. "Вот будет кикиморе радость!" – подумал Микулка, вставая с мягкой травы. Он подхватил пару мешков и поставил в сени, завтра надо будет в чулан перенести. Дед уже запалил лампу и что-то искал в сундуке, выкладывал на свет одну за другой непонятные, таинственные вещицы. На привычном месте у отдушины вертел головой филин, примерялся глазом к осторожно ступающему у печи котенку.

Микулка затащил в сени оставшуюся поклажу, раздул огонь, предвкушая горячий ужин, побрякал крышками, выискивая нужный горшок и поставил его на жар. Потом скинул полушубок и полез на печь, понаблюдать за дедом.

Старый Зарян словно не замечал паренька, разложил рядом с сундуком на столике какие-то грамоты, идола с локоть высотой, несколько склянок, сухую траву. Микулка вздохнул. Эдак можно и месяц смотреть – ничего не высмотришь, не разумеешь... Хитрый дед. И не прячется, а тайна все равно тайной остается. Зарян близоруко водил по грамоте широким ногтем, еле разглядывая начертанное, кряхтел, качал головой.

Вскоре и ужин поспел. Микулка разложил по чашкам густое сочиво, достал из другого горшка тушеную оленину, выложил на скатерть ароматный хлеб и свежую зелень, купленную у ромеев. Хорошая еда, добрая, чай не сухая лепешка.

– Ты как доешь, – сказал Зарян, обсасывая оленью косточку, – так спать ложись, небось устал сегодня.

– Да тут разве уснешь! Столько всего было, в голове мысли так и мечутся. – поделился впечатлениями Микулка. – Со мной за всю жизнь столько всего не было, а тут за день... Интересно с Вами, дед Зарян!

– Доедай и спать! – улыбнулся старик. – За всю жизнь... Сколько там было той жизни-то.

– Ну... Семнадцатая весна! Не маленький уже.

– Кхе... Кхе... Ну да. Мужик. Бестолковый правда. Но уже кое в чем толк знаешь. Дрался с полуденницами хорошо.

– Это я-то дрался? – искренне удивился Микулка. – Это Вы их шалапугой своей раскидали, я едва с травы встать успел.

– А кто хлопцу голову с одного удара снес?

– Так там той головы... Мягкая!

– Ну да... Мягкая. Тебе еще поработать, дрова порубить, удар поставить, чтоб силу чувствовал, тогда сможешь кулаком в избе стену пробить. Завтра с утра начнем боевую науку учить. А сейчас спать. Мне надо работу сделать.

– Дед Зарян... – почувствовал неладное Микулка. – Что-то тревога у Вас на лице. Случилось чего?

– Не знаю пока. Но на базаре ходят слухи, что князь киевский Ярополк, родную землю по кускам продает, чуждую веру принял. Если правда, то беда будет не малая, поскольку князь – он голова, а ежели голова подгнивать начала...

– Не врут ромей. И не слухи это. – нахмурился Микулка. – Я ведь от Киева недалеко жил, не спокойно там. Прошлого года Ярополк убил брата своего, Олега Древлянского, теперь метит на Новгород. Гора киевская гудит, говорят бояре, что пока единого князя не будет, не бывать миру в земле русской. А какой же мир, если Ярополк целуется с теми, с кем русичи и отец его воевали не жалея сил? С ромеями, с печенегам погаными... Жену себе привез ромейскую, идолища на Подоле повалил, пожег, поставил одного Бога. Слабого. Это какой же такой Бог, ежели его к дереву гвоздями прибили? Прямо такое идолище и стоит – прибитое.

– Значит и впрямь беда... – нахмурился старик. – Это какая же сила нужна, чтоб остановить самого князя? Кхе... Ладно, спать иди, не мешай. Буду думать.

Микулка спорить не стал, прибрал посуду и залез на печь. Вскоре, утомленный удивительным днем, он уснул, натянув одеяло до носа.

Старик посидел не много, подумал, потом кряхтя пересел к сундуку, глухо стукнул идолом о столик и зашептал что-то прикрыв глаза. Вокруг идола заструился голубоватый туман, свернулся вихрем, замаячили в нем неясные образы. Постепенно в этих образах проявились знакомые черты и вскоре на деда взглянуло полупрозрачное человеческое лицо.

– Вопросай, коль звал! – прогудел в полутьме надменный голос призрака.

– Чем Ярополка киевского остановить?

– А надобно? Пусть смертные сами свои дела разбирают. Негоже мне влезать. И тебе незачем. Сидишь в глуши и сиди себе...

– Я тебя вызвал не указ мне давать! – повысил голос Зарян. – Не великий ты Бог, чтоб меня отчитывать. Отвечай, коль вопрошаю!

Туман заколебался, померк, но вскоре вновь обрел четкие очертания.

– Есть одна сила... Эта сила может много чего сотворить, если ей выход дать. Но дремлет она пока, дальше носа своего зреть не желает.

– Яснее говори. – нетерпеливо подогнал Зарян.

– Младший сын... – прошептал призрак. – Робичич...

– Мой Микулка, что ли?

Призрак засветился ярче и полумрак содрогнулся от жутковатого хохота.

– Смертный... Приметился героя воспитать? Может и выйдет, я будущее не зрю, а вот что есть и быть может, то ведаю. Тот робичич только злыми языками так кличется, потому что мать его рабыня, ключница. Но отец его князь Святослав и сам он князь русский, смелый и гордый, не чета брату своему Ярополку.

– Понял я о ком ты говоришь. – нахмурился старик. – О Владимире-князе, о племяше Добрынином. Слыхивал... Но какая в нем сила? Молод, глуп небось... Как мой Микулка.

– И молод и глуп... И без помощи не сдюжит. Но есть в нем то, что делает его сильнее брата своего, то что завсегда победу дает.

– А не будет он хуже Ярополка? А то порой лекарство хуже хвори бывает...

– В нем душа его отца, потому как рожден он был по любви. Может это как раз тот кузнец и есть, который русские шеи закалит, чтоб зазря не гнулись.

– И какая в нем сила? – пристально взглянул на призрака Зарян.

– Вера в Русь... – ответил призрак и медленно угас.

9.

Минуло лето, Микулка окреп, возмужал. Работал много, построил из бревен мост через ручей, засыпал, заливаясь потом, гнилой овраг, чтоб не расползлся. Зарян просто так работать не давал, придумывал разные штуки, учил ноги ставить в устойчивость, учил держать топор, чтоб силу удара добавить. А по вечерам учил боевой науке.

Микулка выстрогал деревянные мечи и они с дедом бились на них у избы так, что щепки летели. Старик бивал Микулку крепко, до синяков, но давал и выигрывать, чтоб волю к победе не убить. Скоро тело окрепло так, что и синяков не оставалось, хотя получал паренек не меньше прежнего. Сделал Микулка себе и лук, как учил Зарян, учился стрелять оперенными стрелами с костяным острием. И хоть по началу с десяти шагов в стену промахивался, но упорством он был не обижен, к концу лета со ста шагов уже прошибал падающий кленовый лист. Не всегда, правда.

Ароматы осени листьями опали, закружила пухом первая метель... Лес стал прозрачным, унылым. Зарян стал покашливать чаще, реже выходил из избы, но Микулка вел хозяйство исправно, охотился, готовить научился не хуже деда. Потом вроде потеплело, как всегда в Таврике, где зимы мягкие, без снега, только весна да осень злые.

Как-то ближе к полудню, когда серое небо роняло на промокшую землю туманную морось, Микулка вернулся из леса с добычей и увидел у избы пятерых всадников. Раздетые, в кожаных доспехах с медными бляхами, в меховых шапках с волчьими хвостами, они сидели на низкорослых мохноногих лошадках, шумно переговаривались, смеялись. Микулка даже вздрогнул, узнав в пришельцах печенегов. Один из них не слезая с коня постучал в затянутое тонкой кожей окно. Кони топтались, чавкали копытами и гадили у самого крыльца.

Микулка бросил на землю добытого молодого козла, схоронился в деревьях и приготовил на всякий случай лук. Жаль, что стрелы без булата, охотничьи...

Дед Зарян вышел злой, видать оторвали от работы.

– Чего надобно? – хмуро спросил он, опираясь на посох.

– Слушай, урус, – улыбаясь произнес печенег, – зачем здесь живешь? Зачем на север не едешь, в Киев?

– А с каких пор ты мне указ? – нахмурился старик.

– Эх, урус, зачем обидный слова говоришь? Мы к тебе с добром приехали, у нас дело к тебе.

– Так не тани kota за хвост, говори, коль по делу.

– Зима... – прищурился печенег, а остальные согласно кивнули. – Наши не любят холод, любят тепло. Будем здесь жить, здесь лес, много мяса. Без скота можно жить. Каган Кучук хочет купить деревянный дом с печкой. Сколько хочешь за него?

– Сами стройте! – отрезал старик. – Лес большой, Таврика и того больше. Но гадить в лесу не дам... А коль по доброму, так живите.

– Эх, урус... Какой грозный, да? Зачем так говоришь? Знаешь, что печенег строить не умеет. Обидно говоришь! Смотри сколько золота.

Печенег похлопал по притороченному к седлу мешку. В мешке звякнуло.

– Вот и оставьте его себе, мне грабленного не надо. – закончил старик и собрался идти в избу.

– Постой, урус... – уже без улыбки остановил его печенег. – Зачем так говоришь, зачем не соглашаешься? Сколько мы к тебе приезжали, сколько хотели дружить... Каган Кучук знает, что ты батыр, хоть на батыра ты не похож, каган Кучук умный. И щедрый. Давал тебе золота, чтоб ты его сына учил боевой науке. Ты учить не стал. Гордый?

Теперь дает золото, хочет деревянный дом с печкой. Отдай дом, возьми золото. Иначе дом мы все равно возьмем, а золота у тебя не будет. Будешь жить в лесу, драным тулупом волков пугать.

– Кхе... Это ты меня в лес прогонишь? – в глазах старика мелькнул веселый огонек.

Печенег переглянулись, а говоривший начал наезжать на старика конем. Микулка, хоронаясь за буковым стволом, с едва слышным шорохом потянул стрелу из колчана.

– Пшшшел прочь, урус! – зашипел предводитель, тесня старика конем. – Пшшшел, пока цел!

Зарян остуился на крыльце и неуклюже повалился в грязь, печенег с готовностью заржали.

– Каков батыр! – веселились они.

Микулка просто вскипел от обиды и злости, проступившая слеза мешала смотреть, мешала видеть цель. Лук скрипнул, поддаваясь силе молодых рук, тускло белел в полуденном солнце костяной наконечник. Микулка знал, что хрупкое острие не пробьет грубую кожу доспеха, знал, что целиться надо в лицо.

Предводитель наклонился в седле и с оттяжкой стеганул старика плетью, Микулка вздрогнул, словно удар пришелся по его спине, но хлесткого шлепка не услышал. Что-то случилось с предводителем, он захрипел и медленно повалился на землю, придерживая рукой перебитое горло. Печенег стеганул коней и вчетвером ринулись к крыльцу, на скаку вытягивая кривые сабли. Тут Микулка узрел старика... Он был страшен, как дух смерти и настолько же быстр. Метнулся вдоль бревенчатой стены, развеваясь по ветру темными лохмотьями, расправил руки подобно крыльям, крутнулся волчком и первый конь с перебитыми ногами закувыркался в грязи, давя всадника. Второй печенег рубанул саблей, но только рассек пустоту и вылетел из седла, словно на дерево налетел. Старик дернул из его груди шалапугу, но она застряла в переломанных ребрах, упиваясь кровью. Микулка звякнул тетивой, посылая стрелу через всю поляну и с удовольствием увидел, как в глазу третьего расцвело черное воронье перо. Четвертый пришелец драться не стал, вздыбил коня и рванулся на юг, по тропе к Велик-Камню.

Микулка, отбросив лук, кубарем выкатился на поляну, спеша к деду, но тот был в полном порядке, только ругался на чем свет стоит, не имея сил вытащить посох.

– Совсем старый стал... – скривился старик. – Скоро от мух отбиться не смогу. Спасибо, Микулка, что подсобил, хороший выстрел! Не даром всю стену попортил, пока учился.

– Да что Вы такое говорите, дед Зарян! – Микулка растер рукавом слезы по чумазому лицу. – Как Вы их уделали! Эдаким боем можно целую рать положить. Пять всадников! Это ведь не пешие, да и пеших пятерых победить не каждый сможет.

– Ладно... Если бы не ты, так моя голова уже в кустах валялась. Раньше я шалапугой мог кольчугу пробить, а потом одной рукой ее выдернуть. А сейчас мне уже ребра помеха.

Микулка наклонился и огромным усилием с хрустом выдернул посох, пробивший тело навывлет.

Ближе к вечеру они со стариком сложили огромный дымный костер из сырых веток. Костер потрескивал, свистел паром, клубился зыбким пламенем, пожирал плоть погибших печенегов, бросая в темнеющее небо светлячки-искры. У самой кромки леса жевали пожухлую траву уцелевшие кони.

– Кончилась спокойная жизнь... – грустно сказал Зарян, глядя в огонь. – Теперь или биться до конца, или уходить. Эти покоя не дадут, у них мстительность в крови. Что выберем?

– Как Вы скажете!

– А у тебя что, своего разумения нет?

– По мне, лучше остаться. Соромно тикать без оглядки.

– А знаешь, сколько сабель у кагана Кучука? Чай не меньше двух тысяч. Не сдюжим.

– Это смотря как биться! – горячо возразил Микулка. – Не сможет тысячная рать на конях через лес продаться. Я видал какие печенегі воины в лесу. Двумя добрыми луками можно сотню на тропе удержать. А ежели частокол поставить...

– Частокол, говоришь? – заинтересованно спросил старик. – Недурно... Заодно поработаешь, чтоб жиром не заплывать.

* * *

Спал Микулка плохо, тревожно. А как окно посветлело, он встал, оделся и, прихватив топор, отправился в лес, укутанный сырой утренней дымкой.

Влажная прохлада отступила с первыми ударами топора, спина прогрелась, на лбу выступили крохотные капельки пота. Микулка живых деревьев не трогал, валил только торчащий сухостой, да иногда подбирал подходящий валежник. Поэтому приходилось много ходить, выискивать бревна, а потом тащить их на себе через пол-леса. Возмужавшему Микулке такая работа давалась все легче и легче, он шел через облетевший лес с толстеньким бревном на плече, даже ноги не скользили по размокшим листьям, выбивал кайлом глубокую яму, ставил обтесанный кол, а потом снова карабкался на гору, засунув топор под пояс на спине. Когда проснулся Зарян, щит из двенадцати бревен уже надежно прикрыл избу со стороны дороги к Велик-Камню.

Микулка до обеда работал без отдыха, обнес избу широким полукругом, руки горели свежими волдырями, а мышцы ныли усталостью. Дед Зарян посвежел, перестал кашлять, помогал чем мог, закапывал колья свежавырытой землей. У него даже морщины на лице разгладились, Микулка не мог сдержать удивления – сколько огня в этом старом иссохшем теле.

В полдень Зарян сварил мясную похлебку с грибами и Микулка вместе с ним отведал горячего варева прямо тут, под открытым небом.

– Хватит частокол городить. – дую на ложку, сказал старик. – До вечера все равно не успеем закончить, а незваных гостей можно ждать хоть нунечку.

– Так как раз спешить надо! – удивился Микулка.

– Спешить хорошо, когда вшей ловишь. А коль оборону устраиваешь, тут думать надо. Главная опасность для нас, это дорога с полудня. Надо ее заколотить, конному тогда не проехать, а пешим мы всегда встретим. После обеда устроим сруб на дороге, а спать ночью будем по очереди. Эти шельмецы аки тати подмостные, скорее всего с темнотой нападут.

К вечеру похолодало. И хотя мороза не было, но северный ветер принес из-за гор студёный воздух, пахнувший свежестью и бескрайней степью.

Сруб получился на славу, Микулка выложил поперечные бревна, подпер их продольными, а для верности натащил под сруб колючих ветвей от держи-дерева. Такие ветви не только человека, а и свирепого вепря удержат. Зарян сказал пареньку натащить бочонком воды из ручья и залить сруб, чтоб не горел, если подожгут. Сухие бревна жадно впитали воду, отяжелели, теперь и втроем с места не сдвинуть, разве что конями растаскивать. Уже под темень старик исхитрился в старый овраг у дороги набить кольев острием вверх, а сам овраг сверху прикрыл тонким валежником. В такую ловчую яму и конный и пеший попадет, назад не выберется.

Потом, кряхтя и ругаясь, Зарян вытащил из чулана бочонок с маслом и откатил его к срубам.

– Вот жалость-то... – бурчал дед. – Из-за этих басурман приходится добро изводить.

– Вы что, – не понял Микулка, – собираетесь доброе масло наземь вылить? Эх... Был бестолковым, бестолковым и остался. – не зло буркнул дед. – А стрелять ты в темноту будешь? Возьми лучше тряпиц в избе, обмакни в масло и обмотай несколько стрел для розжигу.

Когда звезды туманными пятнами пробились сквозь пелену облаков, все было готово к обороне. Старик и Микулка в избу заходить не стали, развели костер у частокола и подвесили

над ним котелок с ароматными щами. От костра веяло приятным теплом, ветер стих, позволяя искрам вздыматься к небу огненным столбом.

На миг небо перекрыла огромная тень.

– Змей в Степь полетел, – пояснил Зарян вздрогнувшему Микулке, – печенежским барашком разжиться. А то и бычком. Знавал я в западных скалах одного. Махонького... С пятерых быков, не больше. Мамка его загнула где-то, так мы с ним подружились, можно сказать я его на крыло ставил, заместо мамки. Глупые они, аки курицы, но всякой твари свое место под солнцем есть, или под луной. Может это он и есть...

С юга раздался приглушенный конский топот.

– Все... – нахмурившись произнес старик. – Дождались. Заливай костер и бегом к частоколу. Я лук возьму и в миг буду. Одну головню оставь горящей, от нее будешь стрелы запаливать.

Микулка затрусился мелкой дрожью, это с ознобом выходило беспокойство прошедшего дня. "А ведь я боюсь..." – со стыдом подумал он. – "Днем не боялся, только зол был, а сейчас боязно". Он подхватил лук, закинул за спину колчан и, подгоняемый страхом, рванулся к частоколу. Почти сразу его догнал дед Зарян. Они прислонились к бревнам и через прорубленные бойницы взглянули на сруб.

– Сейчас их увидим на фоне моря. – шепнул старик. – Коль ухо меня не обогало, так их человек пятьдесят, не боле.

– Ну вот, а Вы говорили тысяча! Зря сруб городили.

– Вот балда... – фыркнул Зарян. – Тут и со срубом полсотни конников попробуй, останови. Ладно. Как увидишь первых, запаливай стрелу и стреляй в бочку с маслом.

Конский топот усилился, вскоре показались темные фигуры воинов.

– Я их вижу. – шепнул Микулка. – Могу стрелять. Жалко масло палить, может опосля?

– Верно кажешь... Стреляй в первых, когда я скажу, но огонь держи наготове, а то они нас с боков обойдут – не заметим.

На светлом фоне моря замелькал уже десяток теней.

– Эй, урус! – донеслось от сруба. – Зачем дорогу портил? Как проехать теперь?

– Я вас в гости не приглашал! – зло крикнул Зарян. – Да вы все за одним столом и не поместитесь!

– Мы постоим, урус, мы не гордые. Дашь пройти, говорить будем. Сам каган Кучук говорить будет.

– Я с его холопами уже говорил сегодня. Небось надолго кагану запомнится.

– Какой ты злой, урус! Хочешь воевать? Давай будем воевать.

В частокол звучно ударила стрела с булатным острием, стреляли на звук, без прицела. Тут же справа от дороги раздался треск веток и истошный предсмертный крик – сработали кольца в овраге.

– Обходят, басурмане... – злобно сказал старик. – Стреляй, больше ждать нечего.

Микулка холодея от страха натянул лук и выстрелил в ближайшую к срубу фигуру. Попал в голову, воин повалился с коня без звука, как мешок набитый травой. Старик дважды выстрелил куда-то влево, в густую темноту, но оттуда, к немалому удивлению паренька, раздалось два хриплых вскрика. Им вторили жуткие крики справа.

– Обходят... Запаливай бочку!

Микулка взял стрелу обмотанную тряпицей и, подпалив от головни, выстрелил в масло. Вскоре весь сруб охватило жаркое пламя, разлилось вширь, заскочило на близких всадников. На дороге началась паника. Печенеги кричали, метались, тушили горящих. Вся округа была освещена ярким желтеющим светом, облетевший лес был виден насквозь. Старик пускал стрелы по идущим в обход, Микулка валил всадников за пылающим срубом. Крики усилились, казалось, что в ужасе и боли кричал сам лес.

– Бей по ногам, по рукам! – посоветовал старик. – Меньше загубишь, но суматохи прибавится, крик раненных испуга врагам добавит, а невредимые язвленных будут из боя выносить. Нам меньше стрелять.

Микулка подивился боевой премудрости, но припомнил, стал бить в незащищенные ноги и руки.

Когда из-за гор поднялась луна, стрел почти не осталось, но первую атаку русичи отбили. Печенеги оттаскивали со всех сторон орущих и визжащих раненных, по лесу метались обезумевшие от крика и огня кони.

– Хорошо стреляешь, урус-батыр! – донеслось из-за сруба. – Как успеваешь так быстро? Но нас много, урус, всех стрелять стрел не хватит! Давай сдаваться, урус. Каган Кучук тебя убивать не будет, не бойся!

– Пусть ваш каган идет к Ящеру! – ответил старик. – Или к шайтану своему... И под хвост его целует. Сами сдавайтесь, пока целы!

Микулка морщась облизывал большой палец на левой руке, в кровь разбитый тугой тетивой. Из-за сруба к избе протянулись две огненно-дымных нити и в крышу вонзились пылающие стрелы. Паренек испугался было, но крыша была сырая и стрелы сгорели без всякого толку.

Печенеги обстреливали их долго, метали в темноту, наугад, подпаленные стрелы, подожгли частокол, но Микулка залил его водой.

– Бояться за сруб вылезать. – объяснил старик. – Но есть способ их выманить. Как снова стрелы в частокол полетят, ори как резаный, пусть думают, что ранили кого-то.

В бревна ударили несколько стрел и Микулка закричал, словно занозу под ноготь загнал, старик громко завыл и заохал. Печенеги повалили из-за сруба аки тараканы, продирались сквозь лес слева от дороги опасаясь страшного оврага с кольями. Огонь почти угас, занялись просушенные бревна, но горели вяло, зато луна ярко освещала лес серебряным блюдом.

Микулка с натугой выпустил несколько стрел, пальцы горели содранной кожей, мышцы ныли невыразимой усталостью. Старик молотил из лука, как туча градом, словно не ведал устали, только кряхтел и посапывал в темноте. Лес снова отозвался криком и стонами, печенеги остановились, выпустили целую тучу стрел и ринулись обратно за сруб.

– Урус! – заорали с дороги. – Хватит людей губить! Ночью печенег дороги не знает, а днем мы тебя обойдем и с горы расстреляем как куропатку. Уходи лучше сам. Гнать не будем.

– Куда им гнать... – зло прошептал старик. – Они ночью в лесу шаг сделать боятся. Микулка, сколько осталось стрел?

– В моем колчане с десяток.

– И у меня пяток. Значит расстреляли чуть меньше сотни. Если даже четвертой стрелой в цель попадали, то осталось басурман не так много. Вот и кричат. Но следующей атаки нам не сдюжить, стрел мало. Будем уходить, схоронимся в лесу, а потом потихоньку будем их изводить.

– И что, все добро оставим? – с горечью спросил Микулка.

– Они его не тронут. Съесть все сразу – лопнут, а портить не станут, самим сгодится.

– А грамоты... – паренек чуть не расплакался. – Сколько грамот остается! Сожгут ведь...

Из-за сруба показались двое печенегов, махали руками, подавая знаки. Микулка со злости скрипнул было луком, но старик удержал его за плечо.

– погоди! Пусть скажут чего хотят.

– Эй, урус! – устало крикнул один из вышедших. – Не стреляй, урус! Каган Кучук приказал воинов уводить. Ты победил, батыр. Но каган Кучук знает месть, он тебя воевать до смерти будет. Он тоже батыр.

– Завсегда рад! – не высовываясь за частокол крикнул Зарян

Из-за сруба раздался удаляющийся конский топот.

– Кхе... – старик уселся прямо на землю. – Никак сдюжили. Спасибо Богам!

Микулка присел на корточки, оперевшись спиной в частокол.

– Неужто ушли... – прошептал он, обтирая рукавом пот со лба. – Не верится.

– Добро, коль не верится. – усмехнулся Зарян. – Не могли они все уйти. Появился печенег – жди подвоха. Знать нашли способ со спины нас обойти.

Они замолчали, вслушиваясь в безмолвие леса. Безмолвие было мнимым, зыбким как лунный свет. То дерево скрипнет, то птица ночная захлопает крылами, а с берега слышно морянок, это они на луну плачут.

– Лешака не чую... – задумчиво произнес дед. – А коль печенег в лесу, Леший всегда неспокоен. Но нет никого. Если только...

– Что, дед Зарян? – забеспокоился Микулка.

– Леший вне леса просто быть не может. И начихать ему на то, что вне леса дается. Ежели печенежская рать НА ДОРОГЕ собралась, все и будет тихо. Да только это ведь печенегам знать неоткуда. Неужто русич какой им насоветовал? Увидал бы такого, мозги б его на траву выплеснул. Хуже нет лиха, чем предательство.

– С дороги они нам не навредят... – неуверенно сказал Микулка. – Сруб помешает.

– Это, конечно верно, – кивнул дед, – но мысли их нам неведомы. Что замышляет басурман?

– Может и впрямь, просто ускакали к себе?

Со стороны сруба раздался глухой удар. Дед и Микулка вскочили на ноги и прильнули к бойницам. Тишина... Ни конского топота, ни криков, только лес шумит, играясь ветром. Под черным небом со светящейся дыркой луны разлилось сырое туманное безмолвие.

Снова удар, треск, надрывный бревенчатый скрип. И снова тихо.

– Бечева!!! – воскликнул старик и подхватив с земли оставленный Микулкой топор метнулся к срубу.

Паренек рванул следом, только ветер в ушах засвистел, мигом догнал старика, выхватил у него топор и первым подскочил к срубу. Он успел обрубить одну из пяти туго натянутых веревок, но остальные скрипя от натуги сорвали бревенчатый сруб с продольных бревен и унесли в темноту по дороге. Бревна скакали как живые, грохотали друг о друга, чавкали по размокшей грязи.

– К коням привязали! – ужаснулся Микулка. – Сейчас попрут... Как тихо все сделали, поганцы!

– Не кисни! Кати последнее масло из чулана, а я лампу из избы принесу. Не жалея, лей прямо у сруба. И пошире, через весь гостинец.

Микулка спотыкаясь вытащил из чулана бочонок, покатыл к месту, где некогда стоял сруб. Там Зарян уже ждал с зажженным светильником. Паренек вышиб топором крышку и разлил густое золотистое масло в грязь, в тот же миг услышав дробный топот двух десятков коней.

– Палите, дед Зарян! – крикнул Микулка, отскакивая с топором в сторону.

Чадное пламя занялось через всю дорогу, пылавший бочонок покатылся на юг, пугая подскочивших коней. Дед Зарян затерялся в дыму и в тот же миг налетела конница. Со свистом и улюлюканьем печенеги налетели на стену огня и многие кони, испугавшись пламени, не стали прыгать через раскаленную реку, рванулись назад, роняя седоков в шкворчащее масло. Но с десяток конников прорвались к избе и теперь кружили по поляне, выискивая врага, остальные спешили и обходили огонь слева.

Черный угарный дым заволок всю округу, луна скакала в смрадных клубках как сумасшедшая, крики печенегов и ржание коней смешались в жуткую песню боя. Микулка остался совсем один. Он стоял с топором в руке, освещенный желто-красным огнем, чумазый и страшный как нав, озирался затравлено и просто не знал что делать. А вокруг засвистели невидимые во тьме стрелы.

Близкий хрип печенег привел его в чувство, он понял, что Зарян где-то рядом, бьет басурман. Паренек бросился наземь, как учил старик, перекатился, уходя от стрел и встал на ноги уже за толстым стволом бука, в который сразу же с треском влетели три булатных острия. В трех шагах справа, из дыма выскочил пеший печенег с перекошенным злобой лицом, в его руке тускло блестела тяжелая сабля. Микулка привычной рукой метнул топор, с треском вгоняя его в закрытые кожаным доспехом ребра, подскочил, выхватил саблю и очертя голову бросился в самую гущу пеших, мелькая в дыму огненным факелом своих ярко рыжих волос.

Лучники опасались стрелять в буйную сумятицу теней, людей и огненных сполохов, поэтому Микулка уже не метался от стрел, сосредоточился на сече, отбивая и нанося звонкие удары.

Оказалось, что печенеги особой силы в руках не имели и паренек начал теснить их мощной рубкой, прикрываясь со спины избой. Но численное превосходство противника сказалось очень быстро, Микулка начал выдыхаться и все чаще пропускал секуще удары по рукам и груди. Полушубок на нем скоро развалился кровавыми лохмотьями, но израненное тело уже не реагировало болью, только ныло и сочилось кровью. Он с усталым равнодушием заметил движение в лесу, кажется еще одна рать шла на подмогу противнику.

– Сдавайся, урус! – кричали остервенелые рожи, бросаясь слюной. – Сдавайся, совсем один остался!

Микулка полоснул отяжелевшей саблей, не удержался и упал на одно колено, продолжая почти вслепую отражать и отражать удары. Печенеги орали все громче и вдруг дрогнули, словно им в спину со стороны леса ударила неведомая сила, дрогнули и повернулись к Микулке спиной, словно его и не было. Он шлепнулся коленями в раскисшую от крови грязь и опустил саблю, дивясь необычному зрелищу.

Со стороны леса широким сомкнутым полукругом теснила печенегов, щерясь клыками, огромная волчья стая. Дикие звери прыгали как кошки, сбивая всадников с седел, вырывали внутренности, грызли глотки. Некоторые из них корчились в грязи с раздробленными черепами, некоторые ползали на брюхе, пронзенные стрелами, но лес выталкивал из себя новые и новые полчища серых воинов. Казалось, что волки были повсюду, ни у конных, ни у пеших не осталось ни единого шанса на спасение от мощных клыков.

Во главе этой дикой резни Микулка приметил огромного, почти белого волка со знакомым оберегом на лохматой шее. Волкодлак напористо валил коней на ходу, оставляя своей молчаливой свите добивать поверженных ратников. Вышедшая из низких облаков луна заливала кровавую бойню ослепительно-мертвенным светом.

Вскоре все стихло... Поляна была просто завалена растерзанными людскими и конскими трупами, да и вокруг Микулки валялось шесть окровавленных тел, изрубленных саблей. Сил встать не хватало, паренек отбросил оружие и на четвереньках отполз в сторону от парившего мяса, не удержался и рухнул на землю.

Волки рыскали по поляне, обнюхивали своих поверженных собратьев, растаскивали конину и человечину. Волкодлак подошел к лежащему в грязи Микулке и прямо у него на глазах обернулся старцем.

– Славно воил, людь... – похвалил он. – Много врага обрек. Прав был Зарян, когда рек, что на всяку силу сила большая сыщется. Сыскалась...

– Где... Он... Сам... – еле слышно прошептал паренек, моргая залитыми кровью глазами.

– Почил... Неужто не заслужил отдыху?

Что-то не понравилось Микулке в этих словах. Он собрал всю свою силу, напрягся так, что в глазах потемнело, но встал на карачки и пополз в сторону тлевших сизым дымом остатков сруба. Волкодлак молча шел рядом, останавливая дланью спешивших на свежую кровь волков.

– Ооо... – только и смог выдохнуть Микулка.

Дед Зарян спокойно и мирно лежал у самой кромки леса, на губах осталась печать озорной усмешки, приводившей врагов в бешенство, руки крепко сжимали изрубленный посох, застрявший в басурманской спине, а из его груди топорщились в небо пять коротких печенежских стрел. Микулка давился слезами, полз, теряя последние силы, но никак не мог одолеть целую грудю трупов, валявшихся вокруг неподвижного старика. Справа и слева от Заряна сидели на страже два угрюмых волка, пытались завывать на луну, но никак не решались.

Микулка дополз, уткнулся в насквозь промокший стариковский тулуп и зарыдал навзрыд. Так он не плакал еще никогда в жизни.

10.

Еще луна не склонилась к закату, а волки уже полностью очистили поляну. Только изрытая копытами земля и запах крови напоминали жуткую схватку.

– Заряна мы винны с собой отнестъ. – еле слышно произнес волкодлак. – Его как не хорони, все одно не подберешь к нему обычай. Кем он только ни был за свой живот долгий... Схороним по нашему, есть в этом правый смысл.

– Он русич... – печально ответил Микулка. – Надобно по-русски и хоронить.

– А мы? – удивился волкодлак. – Чай не русичи? В лесах этих жили от веку, когда люди еще говорить не могли, в шкуры кутались. Не в огонь ему надо, а в землю родную. Жил аки волк, погиб аки волк, с нами и в путь последний пойдет.

Микулка не стал возражать, да и не хватило бы у него сил схоронить деда. Сам едва жив остался. Он отвернулся и угрюмо побрел в избу, не желая смотреть, как уносят Заряна.

– Избу сбережем, что бы ни было... – в след пареньку шепнул старец. – Ступай с миром молодой витязь.

Микулка не ответил, отворил дверь, забрел в комнату и скинув обрывки одежды, с натугой залез на печь. Подросший котенок словно чувствовал невыразимую печаль в сердце молодого хозяина, ластился, тыкался мохнатой мордашкой.

– Отстань, Фырк! Не до тебя сейчас... – отмахнулся Микулка и лег на спину.

Спина почти не болела, а вот грудь, лоб и руки буквально покрылись мелкими и крупными порезами. Паренек вздохнул. "Не сдюжу..." – безразлично подумал он. – "Истеку юшкой. А ежели нет, так лихоманка доконает".

– Никак помирать шабралфя? – раздался совсем рядом знакомый голосок.

Микулка поморщась повернул голову и еле узрел в темноте кикимору, сидевшую на короточках у самого края печи.

– Заряна печенегу убили. – прошептал он. – Кому я теперь нужен? Ежели помру, так никто и не узнает.

– Незачем мне в избе мертвяк. – серьезно ответила кикимора.

Она подсела совсем близко к Микулке и он разглядел, что глаза у нее разные – один темно карий, другой голубой как осколок неба. От голубого глаза взгляд отвести было не можно, паренек в нем словно утонул, ничего кругом себя не замечая. И боль вроде отпустила, и жар спал, и силы словно вернулись, Микулка даже сел от неожиданности, мотая головой.

– Ожил, шердефный! – радостно воскликнула кикимора. – Так-то лучше, а то удумал... Помирать.

– Не помру? – удивился Микулка. – Так не бывает... На мне и живого места нет, разве что на ногах.

– Нет, помереть я тебе не дам, не надейся... Перво-наперво мне тебя гадостно будет нюхать, коль померешь. И муж мой будет недоволен. Что ж за хозяйка, коль в избе мертвечиной воняет? А вытащить тебя в леш мы и вдвоем ш ним не шдюжим. Кроме того ты мне помог давеча, принесш котейко, а через него я и мужа обрела. Хотя муж так щебе, шредненький, ленив больно. Да вщеж краше, чем никакого. Потому я тебе и помереть не дам, и подсоблю чем шмогу.

– Да чем же мне баба, в две пяди ростом, подсобить сможет?

– Опрометчиво шудиш... Разве в роште дело-то? Чай не проштая я баба, а шишимора. Один глазок, тот что карий, у меня для зглазу, а голубенький для указау. Почуял небофь, как я указала боли твоей отойти. Укажу и ранам заживать быштнее. Но главнее вщего то, что я тебе шкажу.

– Что же ты можешь мне такого сказать, чего я не ведаю? – устало поинтересовался Микулка.

– Много чего. Ты ведь не ш рождения в избе этой живешь, да и штарый Зарян, не шибко щекреты швои рашкрывал.

– Так и что? – Микулка снова повалился на спину.

– То, што помирать тебе никак не можно, ежели деда швоего любил.

– А Зарян тут причем? Нет его больше, волки в лес унесли.

– Шмертные... Неужто не понимаете, что вща жифть ваша имеет толк лишь тогда, когда потомки о делах ваших помнят? Ежели ты сейчаф дело Заряна брофиш, так тогда и жил он зря, и тебе грош цена.

– Да какое у него дело... – у Микулки хоть сил прибавилось после взгляда кикиморы, а говорить мог едва ли. – Травы ходил собирал невесть для кого...

– А я шлышала, што он киевшконого князя оштановить вздумал, да только сам не ушпел. Ему Ведалище поведал, что есть в Новгороде молодой князь, который всю Рушь шплотить может, как штарик мечтал. А князь тот необычный, такой точно как и ты. Робичич. Шын князя, а мать роба, ключница.

– Врешь... – где это видано, чтоб сын рабыни на новгородской земле княжил. – А ведь нет, не врешь... Слыхивал я про Владимира-князя... Только не верил.

– Вот и шел бы к нему на подмогу! Зря что ли пот проливал на дедовых ишпытаниях? Я тебя подлечу, а когда пойдешь, я тебе важный щекрет поведаю. А теперь шпи! Шпи...

11.

Полную неделю пролежал Микулка на печи почти не вставая, исхудал, ослаб, еле ложку с похлебкой до рта доносил. Да и ел редко, потому как охотиться сил не было, доедал то, что в чулане осталось, одним сочивом, да кашей питался.

Каждую ночь приходила кикимора, ворчала шепеляво, мол навязался на мою голову, смотрела голубым глазом в самую душу. Раны затянулись быстро, только чесались без удержу под засохшей кровавой коркой, да и лихomanка отступила, прошла стороной. Под конец недели силы стали возвращаться в молодое, полное энергии тело, Микулка стал вставать чаще, готовил целебный отвар из горных трав по дедову рецепту. Этот отвар и вовсе его на ноги поставил, а еще пуще сил прибавляло желание довести до конца дело, которое начал Зарян. Не зря, нет не зря Микулка потел на испытаниях, не зря получал тумаки деревянным мечом, не зря прибавлял себе силу, таская тяжелые бревна. Хоть и мало поучился он у старика боевой науке, но в злой сече шестерых печенегов одолел, а может и поболее... Кто считал? И не должна эта наука задаром загинуть вместе с ним, потому как в науке этой живет дед Зарян. И если она поможет подсобить Владимиру-князю, как хотел старик, так и он не зря жил, и Микулка не даром дедовы щи хлебал.

Но не только и не столько думал паренек о далеком Владимире, сколько мечтал отомстить печенегам, угнавшим мать и убившим деда. Лютой ненавистью kloкотало молодое сердце, руки сами просили тугой лук и каленые стрелы, а потому Микулка, как только смог, снова вернулся к дедовым испытаниям. Начал с малого, чтоб силы не надорвать, но скоро дошел до того, что было, а потом и дальше пошел.

Набиравшее силу тело требовало мяса и паренек вернулся к охоте. Далеко ходить не мог, но как говаривал Зарян, родная земля сама помогает... Почти у самой избы стали появляться уставшие от бега козлы, а порой и олень забредал. Поначалу Микулка дивился таким перемена, но как-то ночью услышал недалекий волчий вой и понял кто гонит зверя к одинокому дому.

Свежее мясо быстро добавило сил. От многочисленных ран, разваливших ломтями грудь, остались только стыдливо-розовые рубцы и Микулка понял, что дольше в избе сидеть смысла нету. Соромно в сытости да тепле нежиться, когда важное дело есть. И когда молодой месяц отделил уходящую зиму от наступающей весны, Микулка стал собираться в дорогу, чтоб по утру отправиться в путь.

– Шобрался? – раздался из левого угла шепелявый голосок. – Вще ли взял?

– А тут моего ничего и нет. – отмахнулся паренек. – Возьму еды на дорогу, много ли надобно? Лук свой возьму, да поутру посох вырежу.

Кикмора вышла, семена ножками, из бархатной тени, спрятала острые ушки в прическу и присела на корточки, закрыв густыми волосами наготу от Микулкиных глаз.

– Нашто тебе, молодому, пошох-то? Чай не штарый дед.

– А я как Зарян, научусь шалапугой биться, я много чего запомнил, когда на него смотрел, уже и повторял кое-что.

– Прав был штарик... Глупый ты аки древо штаерошовое. Молодое ли дело, шалапугой биться? Тебе наштоящая шбруя надобна, оружие. Это штарый дед меча поднять не мог, вот палкой мозги ворогам и вышибал. Коль до его лет доживешь, может тоже научишься.

– Так у него и не было меча! – улыбнулся Микулка. – Откуда у старого ведуна меч?

– Бештолковый... Говорила же тебе, что не вщегда он по лешу травы ишкар, был он в молододфти витязем, бивал башурман так, что пыль с ушей шлетала, злой нежити без меры уничтожил, чудищ кровожадных. И меч у него ешть, в штародавние времена добытый. Меч не проштой... Кладенец.

– Неужто Кладенец?! – Микулка даже вскочил от любопытства. – В народе говорят, что меч этот колдовской силой силен.

– Про колдовскую шилу не ведаю, а вот где лежит, знаю.

Кикимора встала и шагнула назад в поджидавшую тень.

– В штене чулана, от правой руки, дверца ешть. – услышал паренек голос уже невидимой Хозяйки. – Там Кладенец и лежит. Я бы тебе не шказала, да штарик говорил не раз, что тебе вще швое завещает. А значит и меч...

– Ты за Фыркком присмотри, Хозяюшка! – попросил напоследок Микулка. – Не то загинет котейко.

– Пришмотрю... – ответила густая тьма из угла.

Микулка накинуд защитый кикиморой полушубок, прихватил светильник и спустился в пропахший плесенью и пыльной паутиной чулан.

В трескучем пламени масляной плошки правая стена сырого чулана казалась безупречной. Микулка пощупал пальцами отмокшую земляную поверхность, с которой шорохом осыпалась каменистая труха, но никакой дверцы не отыскал. Тогда он отставил светильник на закопченный деревянный полоч, расколол глиняный горшок из под пшена и начал основательно скрести черепком стену.

Вскоре, в неверном свете показалась первая доска, насквозь сырая, позеленевшая и порядком подгнившая. Микулка без труда выломал трухлявую палку, чуть на ногу не уронил, сунул за нее руку и пошарил в неприятной, неестественно теплой тьме. Липкая пыльная паутина схватила руку, что-то зашуршало, забегало тысячей членистых ножек. Микулка скривился, но руку не вытянул, желание отыскать меч пересилило первобытные страхи. И тут он нащупал холодный, шершавый от ржавчины булат, замер, боясь спугнуть удачу, уцепился пальцами и вытянул в чулан огромный, невероятно тяжелый меч. Из стены посыпались увесистые земляные комья, пахло застарелым сырым тленом, но Микулка уже не замечал этого, всем его вниманием завладело необычное, невиданное им досели оружие.

Широкое, на диво острое лезвие чешуилось шершавой ржавчиной, пачкавшей руки. Медные части толстой двуручной рукояти покрывала застарелая зелень, массивная гарда витым прутом перекрещивала клинок и тянула за собой паутину из недавнего плена. Все было простое, надежное, прочное. Только сквозь ржу на клинке проступали кованые в булате резы. Микулка напряг взор, но разобрать в дымном пламени коптилки ничего не смог.

Там же, в теплой земляной нише он нашел деревянные, обшитые кожей и позеленевшей медью ножны. Дерево отсырело, но гниению не поддавалось, только в двух местах отстала вздувшаяся кожа. Перевязь на ножнах была какая-то странная, двойная и сколько не тулил ее Микулка к поясу, а зацепить не сумел, так и полез наверх, держа необычную ношу в руке.

Небо рассыпалось холодной сверкающей пылью, на востоке занимался бледный сероватый восход, растворяя в себе яркие жемчужины звезд. Микулка вынес из дому тряпицу, колчан с печенежскими стрелами, дорожный мешок с нехитрым своим пожитком и проверенный в бою лук, смочил тряпицу в остатках масла из светильника и тщательно протер меч, стараясь не оставлять даже следов поедающей булат ржавчины. Он, робичич, никогда и не мечтал иметь настоящий, совсем свой, булатный меч. Хотя нет, мечтал, конечно, глядя с завистью на господскую сбрую, да разве думал об этом всерьез?

Ржа отступила, покоряясь золотистому маслу, заблестел, заиграл острыми гранями благородный клинок, отбросил от себя мягкими бликами свет восстающего Ярила. На лезвии у самой рукояти теперь отчетливо читалась непонятно к чему относящаяся фраза: "И ты вместе с нами", а с другой стороны имя, нареченное неведомым кузнецом – Кладенец. Микулка не стал ломать над загадкой голову, только припомнил почему-то о колдовской силе, приписываемой людям этому древнему оружию. Он примерил к руке меч. Тяжеловат с непривычки, но

биться можно, а уж ежели угадаешь врага, даже плашмя, так того в дулю завернет, никакой доспех не сдюжит. Тут и дошло до паренька, как перевяжь хитрую на тело накинуть, мягкие кожаные лямки удобно устроились на плечах, оставив за спиной широкие ножны. Необычно... Князьи гридни мечи у пояса носили, но так вроде удобнее, уж больно тяжел Кладенец, у пояса не потягаешь.

Микулка постоял немного, решая куда идти – на север к Владимиру, как Зарян того желал или на юг, должок кагану Кучуку отдать. Постоял, подумал, потом сунул колчан в мешок, подхватил его на левое плечо, взял лук и не оглядываясь пошел по знакомой дороге. Набивавшее силу солнце слегка припекало левую щеку.

От Велик-Камня пыльная стежка свернула на восход и поползла в гору, не подпуская к скалистому берегу. Небо светилось умытой недавними дождями синевой, мягкий воздух не студил кожу и идти было легко, только иногда ноги скользили на рассыпанном слоистом известняке, вымытом ливневыми потоками. Микулка никогда не ходил дальше Велик-Камня и теперь все вокруг завораживало своей первозданной неизведанностью и непредсказуемостью. Лес вокруг загустел трескучими ветвями, горы поднимались, нависали, начали закрывать солнце своей каменной грудью, отбрасывая под ноги густые сиреневые тени.

В каждом шорохе осыпавшихся камней, в каждом хрусте подломанной ветки, в каждом вскрике неведомой птицы слышалось навязчивое напоминание: "Ты остался один, будь осторожен!" Микулка даже поежился, сгоняя со спины забегавших было мурашек, настолько отчетливым стало его одиночество. Но жажда мести не давала раскиснуть, приятная тяжесть булата за спиной придавала уверенности, а окружающий запах опасности только обострил до предела все чувства.

Тропка петляла через лес, становилась то шире, то снова сужалась настолько, что двум всадникам не разъехаться, огибала поросшие лишайником валуны. Микулка не ведал где искать орду кагана Кучука, но знал, что печенег без дороги через лес не попрут, тем более ночью, значит враг не мог уйти далеко, да и спрятаться толком не смог бы. Небось, захватили басурмане какую-то вещь и устроились на готовом, сами ведь строить не мастера... Повыбили жителей, а может, оставили народ для работ, мужиков для охоты, да девок для утех. Русич, он терпеливый, может и поработать, но ежели предел перейти, тогда держись. Может так хозяину сопли утереть, что и нос отвалится, и голова вместе с носом отскочит.

Тропка вскарабкалась в гору и протиснулась меж двух заросших плющом островерхих скал. Потом провела путника сквозь густую тень, пахнущую влажным мхом и наконец выпустила из ущелья, вытолкнула на яркий солнечный свет. Микулка даже зажмурился, давая глазам привыкнуть к резкому перепаду. Дальше тропка кувыркалась с горы среди высокой сухой травы, уходила через куцый лесок в межгорную долину, посреди которой разлилось длинное изогнутое озеро. А позади нее горная гряда упиралась в небеса каменными головами, седыми от искрившегося на солнце снега. На юге долина обрывалась в море скалистыми когтями, роняя в пенный прибой небольшой водопад, а на севере сужалась и юркой змейкой терялась в голубых громадах предгорий.

У самого озера курилась дымом недавнего пожара растянутая по крутому берегу вещь, а рядом безобразными бородавками теснились шатры печенегов.

– Спалили, поганцы... – сокрушенно шепнул Микулка. – Видать и тут не удалось им взять избу с печкой, дорогую цену заплатили русичи, но своего не отдали.

Он укрылся в тени скалы, чтобы враг не узрел одинокого путника на освещенной солнцем дороге и сел поразмыслить, какой урон можно нанести печенегам. Шатров у озера стояло никак не меньше пяти сотен и сквозь запах гари пробивалась вонь конского навоза, источаемая тысячным табуном, топтавшем землю у леса. В дедовых грамотах было писано, что смекалка в бою важнее числа, что один витязь может и во вражьем городе шуму наделать. Да только без Заряна умные мысли в голову никак не лезли...

Чего только не передумал Микулка, сидя в своей засаде! Хотел отстреливать печенегов по одному, затаясь в лесу, подумывал темной ночью подпалить шатер и сечь мечом выбегающих в ужасе врагов, думал даже отравить воду, используя дедов рецепт яда, сваренного из плюща. Но в каждом замысле были свои огрехи и паренек к полудню так и не решил, что ж ему делать. С моря, подгоняя друг друга, набежали лохматые клубящиеся облака, попытались закрыть солнце, но оно ускользнуло от них в неугомонном движении к западу. Микулка достал из мешка холодное мясо и без особого аппетита утолил подступивший голод, потом обтер жирные пальцы о полушубок и решил незаметно спуститься в лесок, используя помрачневшую погоду. По тропке идти не хотелось, там он будет заметнее, чем красное яблоко на белой скатерти, поэтому он обогнул валун и соскочил в высокую сухую траву.

Трава была выше пояса, нацепляла на одежду колючих репьев, но укрыла надежно, как одеяло от детских страхов. Микулка пробежал пригнувшись, держа наготове лук с печенежской стрелой, соскользнул с крутого склона и вломился в жидковатый облетевший лес. Лысые деревья царапали сухими верхушками посеревшее небо, кое-где раскинули лохматые лапы кривоватые сосны. Среди этих корявых ветвей особо не спрячешься, лучше уж в траве, да только к шатрам травой не добраться, лес почти вплотную подкрался к ним, зажав между собою и озером. Микулка шлепнулся брюхом в сырую прошлогоднюю листву и ящеркой скользнул к сгоревшей веси. Дедова наука не прошла даром, паренек полз почти без всякого шума, длинный лук со стрелой совсем не мешали, послушно слившись с рукой.

Узкая полоса леса обрывалась шагах в двадцати и Микулка ужом изворачивался, чтобы остаться незамеченным среди голых древесных стволов. Он присыпался рыжей опавшей хвоей и схоронился в тени сосны за старым трухлявым пнем. Печенеги вовсю праздновали недавнюю победу, пили перебродивший кумыс, гоготали бесстыдно и громко, не замечая направленного на них взгляда, полного ненависти. Трое сидели совсем рядом, грели над костром озябшие ладони, а чуть поодаль молодая девка проливала слезы над лежавшем в луже крови здоровенным мужиком. Русская... Микулка сжал скулы чуть не до судороги, оглядывая разоренную весь. Некогда богатые избы развалили по сторонам почерневшие бревна, то тут, то там среди руин виднелись обгоревшие людские тела в рубахах, сарафанах, тулупах и полушубках. Прямо за ближайшим костром лежал придавленный бревном восьмилетний мальчик в одной сорочке, еще живой, но безнадежно искалеченный и уже почти замерзший.

Печенеги праздновали... Их было без счету, большинство из них сидели у многочисленных костров, но многие ходили среди развалин, выискивая нетронутое губительным пожаром добро. Русских тоже осталось не мало, но в основном ребята и девки. Мужчины едва собрались в вооруженную дружину, как налетевшая с юга конница просто смяла не успевших подготовиться русичей. Кто остался от первого напуска, продолжали вести бой поодиночке и Микулка с удовольствием заметил несколько десятков басурман, отдохавших у другого костра – погребального. Ожидали своей очереди на поклон Ящеру. Но неравный бой не мог продолжаться слишком уж долго... У большинства мужиков руки больше ладили с плотницким топориком, а не с боевой секирой, с сохой, а не с мечом. Знать бы им боевую науку! Вон они и без всякой науки сколько врага обrekli, а ежели бы умеючи, а не одной отвагой... Да только пока гром не грянет, русич голову не прикроет, досуг ли хозяйскому мужу время на боевую науку тратить? Может оно и правильно, не для сечи ведь человек рожден, для труда, да только приходит срок, когда сотворенное и нажитое защищать приходится от злобных сил.

Наконец Микулка придумал, как насолить печенегам, но для претворения плана нужно дожидаться ночи. А пока ждать. Смотреть, запоминать, злость накапливать. Один из сидевших у ближнего костра басурман лениво поднялся, икая от жирного обеда, так же лениво подошел к рыдавшей девке, молча ухватил ее за волосы и поволок обратно к костру. Девушка вскрикнула от боли, но покоряться и не думала, извернувшись, попробовала брыкнуться обутой в червонный сапожок ногой. Печенеги у костра дружно заржали. Один из них встал и пошел помочь

соратнику. Он улучшил момент и наотмашь врезал ей кулаком в лицо, девушка дернулась и обмякла. Полупьяные печенег подхватили ее и громко обсуждая донесли до костра, уложили и стали грубо срывать с нее одежду.

Микулка стиснул зубы и зажмурился, припомнив мамку. Конечно, надо бы дожидаться ночи, надо спугнуть коней волчьим воем и используя панику порубить, пострелять не один десяток врагов. Надо... Но руки сами натянули тугой лук, а глаза заученно выбрали дальнего от себя печенег, потому как из укрытия лучше бить в самую неудобную цель, потом легче будет. Паренек и подумать не успел, как тугая тетива швырнула через высокое пламя костра стрелу с отточенным булатом, прямо в лицо снимавшему халат басурману. Тот даже не вскрикнул, повалился на спину словно подгнивший плетень. Двое оставшихся спяну и не сообразили откуда выстрел, один хотел крикнуть, но медленно осел с черным пером во рту, а второй попытался бежать, получил стрелу в спину и рухнул прямо в костер, поднимая искры. Микулка отложил лук, выхватил из-за спины начищенный до блеска меч и рванул к костру, стараясь прикрыться дымным пламенем от бродивших всюду врагов.

Девушка уже очнулась, пыталась встать, но сил не хватало. Паренек подскочил, закинул ее на плечо и не отрывая взгляда от шатров попятился к лесу. Печенег чувствовал себя настолько уверенно, что даже не обратили внимания на бесшумную возню у соседнего костра. Микулка, оказавшись среди деревьев, снова повалился на землю и прижал девушку к толстому лиственному ковру.

– Лежи смирно, – сказал он ей, – не то нашьпигуют стрелами как глухаря.

– Ты кто? – округлила глаза девушка.

– Лешак... – угрюмо буркнул Микулка, вспомнив Заряна.

– А то я и гляжу, весь хвоей и листьями оброс!

– Идти сможешь?

– А куда? Тут поблизости и людей-то нет! Я одна ночью в лесу не смогу, волки задерут.

– Ползи через лес, потом в гору по тропе через ущелье.

– К ромеям?! Не пойду. Неизвестно еще кто из этих басурман хуже, злобный печенег или хитрый ромей. Лучше с тобой, с Лешаком невымытым останусь.

– Не перебивай! По тропе дойдешь до Велик-Камня, а дальше не к ромеям на заход, а на полночь, есть там дорога. Чуть больше полверсты. Увидишь избушку, это... мой дом.

В лагере печенегов заметили троих подстреленных, зашумели, забежали без всякого толку.

– Только домовому представься! Не то житья не даст. Скажешь, что Микулка прислал пожить. И волков не бойся. Давай... – Микулка подтолкнул девушку в сторону от лагеря и снова взял лук, засунув меч в ножны.

Она поползла на карачках, обдирая колени об упавшие ветки и сучья.

Басурмане столпились у костра, озирались насторожено, даже испугано, никто из них и не думал, что найдется дурак, который среди бела дня один на целую рать нападет. Ждали подвоха, думали, что к русичам подмога пришла неведомо откуда. С десятков всадников поскакали на север и двадцать на запад, перекрыть ущелье.

Микулка с ужасом понял, что девушка не доберется до скал раньше них, хорошо еще если додумается схорониться в траве, не выскочит на дорогу. Он ужом скользнул через лес, почти полностью слившись с густеющими тенями, хвоей и опавшей листвой, пересек его насквозь и уже бегом выскочил в сухую траву, сжимая в руке лук.

Девушка бежала по дороге... Русые волосы развевались, покорясь соленому ветру, плечи расправлены, ноги быстрые, как у козули. Она уже заметила настигающих ее всадников, но вместо того, чтобы уйти без дороги в крутой подъем, она начала петлять, уворачиваясь от подскочивших коней.

– В гору беги! – заорал не своим голосом Микулка. – С дороги уходи в скалы!

Расстояние было приличным, за сотню шагов, но паренек не задумываясь пустил стрелу вслед печенегам, чтобы отвлечь внимание на себя. Он не видел куда попал, но один из преследователей вывалился из седла, а остальные повернули коней и во весь опор понеслись к лесу. Девушка не оглядываясь бежала к ущелью и может одолела бы расстояние до спасительных скал, но один из конников осадил мохноногого скакуна, вернулся и рубанул бежавшую саблей. Девушка споткнулась и повалилась у края дороги, скатав возле себя пыль каплями крови. Микулка зажмурился, давя бессильные слезы, бросил на землю мешок с колчаном, стал на одно колено и принялся методично пускать стрелы в гущу врагов. Сзади, пока еще далеко, раздался хруст веток и нерусская ругань. Он уже не чувствовал жгучих ударов тетивы по пальцу, не видел ничего, кроме целей, не замечал, не хотел замечать, что целями были люди. Вдох, как учил дед Зарян, скрип натянутого лука, полувыдох, прицел, сочный шлепок тетивы по пальцу, и вот уже новая стрела рассекает каленым булатом предвечерний воздух.

Всадники, потеряв еще четверых, разъехались на три группы и атаковали уже с трех сторон, сзади ломились через лес пешие. Микулка отбросил бесполезный на близком расстоянии лук и выхватил из-за спины Кладенец, очертив им над головой сверкающий круг.

– Пробивайся в лес! – раздался совсем рядом чей-то голос.

Микулка аж подпрыгнул от неожиданности, но послушался, поскольку биться пешим с пятнадцатью всадниками он не хотел.

– Ты кто? – удивленно выкрикнул паренек, не имея времени оглянуться.

– Дед Пихто! Пробивайся прямо через пеших, в лагере наверняка сумятица. Если сил хватит, проскочишь.

В предвечерних лесных тенях Микулка приметил никак не меньше трех десятков врагов, растянувшихся широкой цепью. Вооружены кто саблями, кто копьями, но идут редко, едва друг до друга руками дотянутся. Не знают числа противника.

– Чего ждешь? – зло спросил голос чуть не над ухом. – Перунова дня?

Микулка схоронился за толстым стволом клена, отдышался, подпуская врагов поближе (меньше надо будет бежать) и наконец рванулся, выставив вперед сверкающее острие. Он появился из-за дерева как сумеречная тень, как злой дух леса, покрытый хвоей и приставшими листьями. Наступавшие так опешили, что не успели сомкнуть строй. Микулка рубанул преградившего ему путь печенега и тот рухнул как подкошенный, заливаясь парящей кровью. Паренек перепрыгнул через поверженного врага и помчался напрямик во вражеский лагерь. Слева мерзко свистнул булатный наконечник печенежской стрелы.

– Теперь дуй через лес что есть мочи! – снова раздался рядом таинственный голос. – Растягивай преследователей, они ведь не могут бежать цепью. А как растянутся, бей по одному. Всадники больше стрелять не станут, вечереет, побоятся в своих попасть.

Левый бок обожгло лютой болью, Микулка вскрикнул и чуть не упал.

– Не бояться! – удивленно воскликнул голос. – Стреляют, проклятые! Не трожь стрелу, а то юшкой изойдешь! Беги как бежал и не забывай резать догоняющих.

Паренек выскочил из леса и заметил, что с юга ему наперерез скачет с десятков всадников, он на бегу крутнулся волчком и рассек грудь не в меру близко подобравшемуся преследователю. Тот рухнул, свалив с ног еще двоих, но и Микулка получил в ногу брошенным прицельно копьем. Рана была не глубокой, но кровь из нее хлестала изрядно.

День умирал, тонул в крови заката... Микулка бежал пологим зигзагом, как учил Зарян, не сбавляя скорости оборачивался вокруг себя, срезая отточенной сталью настигавших врагов. Потом резко остановился, пропустил мимо себя цепь пеших, которые смешались с подскокшими конниками и хотел было бежать назад к лесу, но его остановил безликий голос.

– Стой! Назад! – рявкнул он. – Пока неразбериха, беги к озеру, потом в воду и к морю! До леса не добежишь...

Микулка слабея от потери крови отбил несколько сабельных ударов, рубанул по ногам подскочившего коня и с разбегу нырнул в студеное озеро. Вода обожгла аки пламя, даже дух захватило, но голова прояснилась и хоть немного унялась боль в пробитом стрелою боку.

– Вот бестолочь! – зло шикнул голос. – Меч в ножны засунь! Мешает ведь плыть...

Паренек нырнул, спасаясь от ударивших в воду стрел, попытался засунуть меч в ножны, но попасть в них никак не мог, задержал дыхание, присел у самого дна и наконец всунул непослушный булат в поджидавший деревянный плен. Течения почти не было и он изо всех сил стал грести руками, пронизывая пламенеющую закатом воду. Вынырнул, увидел на берегу бессчетное множество факелов, снова нырнул и проплыл на юг, почувствовав сильное течение тянувшее к морю. Микулка высунул голову из воды, почти ничего не видя в навалившейся тьме, и с ужасом услышал близкий шум водопада.

– Не трусь! – раздался голос из-за спины. – Приготовься и прыгай подальше от берега.

Микулка напрягся, сердце колотило в ребра, как подкованные копыта в бревенчатый мост. Он увидел совсем рядом водяную пыль в последних лучах уходящего за скалы светила, подобрал ноги и прыгнул в полную неизвестность, представляя внизу вылизанные волнами камни. Ему показалось ззорным зажмурить глаза и перевернувшись в воздухе он испытал ни с чем не сравнимое чувство полета. Ни моря, ни земли не было видно, только на восточном небосклоне выступили первые капли звездного света.

12.

Звезды кололи в глаза ледяными иголками, голова болела, словно стянутая железным обручем. Вокруг было сухо, но коварный холод пробирал до самых костей, заставляя кровь пробегать по жилам горячей волною. Микулка лежал на спине совсем один, совершенно не понимая где он и что с ним происходит. Левый бок онемел, ногу противно саднило, а в ушах ухало зазывное клепало. Паренек сел и холодея от страха посмотрел на стреляную рану, но стрелы в ней не было, а через рваную дыру в полушубке и залитой кровью рубахе виднелся белоснежный льняной бинт.

Вокруг растопорщились серые скалы, сквозь звон и буханье в ушах слышался шелест морского прибоя, а слева, в неверном ночном свете темнел вход в небольшую пещеру. Микулка сел поудобней, оперся руками в вылизанную штормами гальку и попробовал припомнить все, что случилось с ним после прыжка. Да только так ничего и не вспомнил, подивившись сухой одежде и бинтам на ранах. И тут его как громом поразило... Меча за спиной не было! Он вскочил на ноги, но в глазах потемнело и зажмурясь от боли он бухнулся на колени в бессильной злобе за свою слабость.

– Тише, тише! – раздался слева ласковый голосок. – Рано тебе так прыгать, не то раны разойдутся.

Микулка открыл глаза и разглядел вышедшую из пещеры девушку совершенно невыносимой красоты. Даже в самых бурных своих юношеских снах он не мог бы представить такую. Она подошла, держа в руках деревянный ковш и свежие бинты, присела рядом, отчего у Микулки сердце чуть не выскочило, а боль в ноге и звон в ушах развеялись как утренний туман в лучах солнца.

– Ты кто? – совершенно обалдело спросил он.

– Какой ты любопытный... – мягко улыбнулась девушка. – погоди, все узнаешь.

Она изящным движением головы откинула назад струящиеся пряди каштановых волос и на Микулку пахнуло ароматом чистоты, тепла и уюта.

"Все ясно..." – подумал паренек. – "Это я в вирый попал. Там как раз такие девки и должны смертельные раны залечивать".

– А меня Микулкой звали. – грустно сказал он. – При жизни.

– Глупенький... – серебряным колокольчиком рассмеялась девушка. – Живой ты, от такой раны разве что воробей помрет, да и то не всякий. Сможешь идти? А то я тебя вчера от воды еле оттащила, дальше не смогла. Все боялась, что замерзнешь, но днем было тепло, одежда твоя прямо на тебе и высохла.

– Днем? – удивился Микулка. – Это сколько же я без чувств пролежал?

– Вторая ночь сегодня, как тебя водопад выбросил. Хорошо еще, что вода вымыла дно, а то бы разбил ты свою буйную головушку. Но как ты бился! Аки рысь!

– Ты видела бой? – паренек гордо расправил плечи, но тут же сник. – Только девку я не сберег... Зарубил ее печенег у дороги.

– Сберег! Басурмане все внимание на тебя перекинули, один ее немного саблей зацепил, да только оглушил и плечо оцарапал со злости. Не до нее ему было, когда ты их одного за другим калеными стрелами из седел вышибал. Я ее в ту же ночь, как тебя нашла, перевязала и отпустила. Она все говорила о какой-то избушке в горах.

– Да кто же ты такая? И как могла видеть бой? Всех спасаешь, все видишь, красивая как... первая западная звезда на закате.

Девушка застенчиво опустила голову, довольная похвалой неведомо откуда взявшегося молодца. Ночные звезды расцветали неведомыми цветами в ее густых волосах, тьма прикрывала ее своим нежным покровом.

– Давай, снимай одежду, если идти не можешь. – попробовала она сменить тему на более прозаичную. – Надо повязку сменить. А если можешь, так идем в пещеру, там тепло, там костер и туда я твой меч отнесла. Насилу дотянула, такой он тяжеленный. Ты прямо настоящий витязь, если таким мечом бился, даром что молод.

– Да какой я витязь? – в притворной скромности махнул рукой Микулка. – Вон как меня отделали басурмане. И девушку я от сабли не сберег, и шуму не наделал, какого хотел...

Незнакомка опустила один из бинтов в ковш отмокать в горячем целебном отваре. Двигалась как лебедушка, ровные плечики не стесняясь расправила, даже толстая меховая шубка не могла скрыть совершенных форм девушки.

– Шуму как раз хватило, – серьезно ответила она, – печенег до сих пор успокоиться не могут, думают что прозевали вражеский отряд. Ты ведь по общему счету не меньше десятка врагов пострелял и порубил.

– У меня к ним особая злость... Сколько смогу, столько и буду их бить. Да только вышло все не так как хотелось и думалось.

– Чего ж ты хотел?

– Победить... Прогнать их к Ящеру! Или хотя бы из этой долины. Пусть катятся в свою Степь.

Микулка собрался с силами, встал и шатаясь побрел в пещеру. Она оказалась неожиданно глубокой и очень теплой, хотя костра от входа не видать, он горел дальше, за поворотом, в небольшом закопченном зале. Тут же у костра, в свете мечущегося пламени темнел Кладенец, успокоив душу молодого воина своим грозным присутствием. Паренек сел к огню, подтянул к себе меч и позволил телу немного расслабиться, хотя необычная обстановка пещеры скорее могла бы навеять тревогу.

Следом вошла незнакомка, наклонила голову у входа, словно березка ветром склонилась, поставила ковш у огня и присела рядышком.

– Все таки я тебя перевяжу, а то раны студеницей пойдут, лихманку притянут.

Микулка морщась скинул полушубок и потянул рукава рубахи, открывая пробитый бок.

– Как тебя звать? – спросил он, поднимая руку, чтобы девушке было сподручней менять повязку.

– Да все по разному кличут... – уклончиво ответила она.

– Неужто такая тайна? У каждого есть свое имя, по роду данное, или кличка заслуженная. Как же без имени?

– Зови меня Дивой, коль без этого не можешь.

– Хорошее имя... – довольно улыбнулся паренек. – К тебе подходит как пчела к цветку. Пусть будет Дива. Дивушка...

Незнакомка не ответила, занялась повязкой. Переложив рану моченым в отваре бинтом, перемотала белоснежным сухим, явно в соде вареным, а поверх замотала обычным чистым. Микулка диву дался, как ладно трудились эти красивые руки, словно только и делали, что целительством ведали.

– А меня дед тоже учил травами ведать! – похвастался он. – Я знаю в какое время сбор, как траву отбирать, как сушить, как варить и сколько отвару на разную хворь надобно.

– Это какой же такой дед? – с притворным безразличием спросила девушка, а сама так глазом и косила, ждала ответа.

– Ясно какой. – Микулка украдкой взглянул на Диву и решил соврать. – Мамки моей отец. Он всегда чабрец с первой росой собирал.

Девушка прыснула звонким смехом.

– Ну и ведун! Тем чабрецом только тюфяки набивать. С него роса всю целебную силу вытягивает. На росе зверобой-траву собирают, молочай горный можно брать, но не чабрец, это точно.

Паренек равнодушно пожал плечами.

– А мне-то что... Я ведовать не собираюсь.

И вдруг он явственно услышал голос, знакомый по вечернему бою, тот голос, который сам себе объяснял ночной горячкой.

– Верно, языком не шибко молоти. – наставительно произнес невидимый незнакомец. – Девка красивая, спору нет, да только странная. Девка попроще должна быть, а эта вся... аки ночь. Вроде и свет в ней есть, а одни Боги ведают, что в тенях души кроется.

Микулка опешил, но совет на ус намотал. Одно он понял точно – этот голос кроме него никто не слышит. Потому что у Дивы даже рука не дрогнула, когда он послышался.

Она закончила перевязывать раны и понесла отвар из пещеры вылить, а Микулка подозрительно осмотрелся и шепотом спросил:

– И кто ты есть? В бою сказал, что дед Пихто, да только деда никакого я не вижу. Но советы твои дельные. Кто бы ты ни был, спасибо.

– Да уж сочтемся... – насмешливо произнес голос. – Придет срок, ты мне тоже службу сослужишь. Только не потеряй меня.

– Как я могу тебя потерять, если даже не знаю кто ты и где?

– Вот бестолковый... Я твой меч. Кладенец. Какая молодежь пошла безграмотная, неужто не слыхивал обо мне?

– Меч... – Микулка даже рот раскрыл от удивления. – Вот она колдовская сила, о которой народ говорит!

– Она и есть. Во мне живут души тех, кто владел этим клинком, десяток великих витязей, славных воинов земли русской. Теперь и ты вместе с нами.

– Значит... Значит и Зарян в тебе?

– Знамо! Куда без него? Такого витязя еще сыскать надо. В нем столько опыта, что на сотню таких как ты отроков хватит. Вот я и передаю опыт тех, кто живет во мне тем, кто владеет мною. Сейчас тебе, до тебя Заряну, а после тебя тоже кто-нибудь сыщется. Ладно, хватит болтать, Дива твоя вертается... Меня она не слышит, а тебе удивится, что с костром разговариваешь.

Микулка замолк, но теперь чувство того, что он не один, что вместе с ним мудрость и боевой опыт более старших, более опытных, добавило ему сил о каких он и не думал.

– Что случилось? – подозрительно спросила Дива, глядя на отрешенное лицо паренька.

– Что-то в глазах помутилось... – не задумываясь соврал он. – Слаб я больно, надо поспать. А далеко твоя пещера от сожженной веси?

– Да разве тебя далеко утянешь? – девушка обмыла ковш в струйке воды, брызгавшей прямо из стены, отложила его и обтерла о подол руки. – Море тебя от водопада на четверть сотни сажений отнесло, как раз сюда. А уж из воды я тебя тянула...

– Не найдут нас тут печенеги? – забеспокоился Микулка.

– Да чего им нас искать? – махнула рукой девушка. – Про меня они не знают, а тебя за живого не считают. Не станут они под обрывом лазить, а уж ночью тем более. Это точно.

Она присела у дощатого столика в углу и занялась нехитрой стряпней, что-то резала, смешивала в горшке, потом водой залила. Руки так и мелькали, не зная усталости.

– Хороша девка... – с застарелой грустью произнес Голос. – Таковую бы...

Микулка улыбнулся и отвернулся к стене...

Девушка и в самом деле удивительная, да только о красоте ли сейчас думать? Война кругом... Хотя такая красота завсегда на себя мужской взгляд обращает, а молодой паренек просидел в избе с дедом не меньше года, теперь плоть своего требует. Он с трудом отогнал эти мысли и стал думать о печенегх, о том, как бы им насолить покрепче.

В прошлый раз Микулка придумал неплохой план и если бы не история с незнакомой девкой, которую пришлось отбивать от хмельных басурман, все бы пошло как по маслу. Не зря

все кругом твердят про его бестолковость. Из-за одной девки столько народу не спас, женщин, детишек малых... Хорошо хоть девка та жива осталась, а то бы Боги такой глупости ему не простили бы. Ладно... Что было, того не вернешь. Хотя план тот придуманный, как раз для ночи годится, а ночь то была не последняя. Перун-Воитель не дал погибнуть, значит есть в этом смысл.

Дива повесила над огнем медный котелок и присела рядышком, Микулка даже глаза зажмурил, чтобы сердце не так колотилось от неожиданной близости этого странного существа.

– Спишь? – тихонько спросила она.

– Не спится. – паренек повернулся и немного привстал, освещенный красными сполохами. – Выспался я за день и две ночи. А ты почему не спишь по ночам? Вареву поставила... Кто же стряпает, когда солнце в подземном мире катается?

– Я привыкла так... – улыбнувшись ответила девушка. – И есть на то свои причины. Можно сказать, своя тайна.

– Ты сама и есть тайна. – не удержавшись вымолвил он.

– Да ты тоже появился невесть откуда, обманул меня зачем-то... Но добро в тебе за версту видно, а на тайну всякий право имеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.